

фонд
либеральная
миссия

**дискуссии
фонда
либеральная
миссия**

*Либерализм:
взгляд из литературы*

Наталья Борисовна Иванова

Либерализм: взгляд из литературы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116125

Либерализм: взгляд из литературы: Новое издательство; М.: 2005

ISBN 978-5-98379-146-6

Аннотация

Почему либеральная идеология становится в России все менее популярной и, в частности, утрачивает свои традиционно сильные позиции в художественной литературе? Эти вопросы стали стержнем серии дискуссий, проведенных Фондом «Либеральная миссия» и собравших известных российских критиков, издателей и социологов: Наталью Иванову, Андрея Немзера, Игоря Захарова, Бориса Дубина, Сергея Чуприна, Александра Иванова, Дмитрия Бака, Льва Гудкова, Льва Рубинштейна и др.

Содержание

Литература и либеральное сознание в современной России	4
1	5
2	8
3	10
4	12
5	15
6	19
7	21
8	23
I	27
1. Кризис либеральных идей или поиск альтернативы?	27
2. Результативность неоконсервативного и либерального проектов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Либерализм: взгляд из литературы

Литература и либеральное сознание в сегодняшней России

Известно: литература в России, и особенно в СССР, была «нашим всем» – и трибуной общественной мысли, и перманентным политическим диспутом, социологией и философией. Отнюдь не только собственно художественной литературой, литературой как искусством. Естественно, что при таком положении дел литература являла собой и место политических дискуссий, и место дискуссий о будущем России. Отсюда – ее особая влияние, отсюда – и особенный статус русского писателя («властителя дум»), не только призванного отвечать на острые вопросы действительности, но и ответственного за ее состояние. И прежде всего – за состояние общества.

То, что в других исторических условиях развилось бы самостоятельно, в России всегда принимало литературные формы. Вернее, так срачивалось с литературой, что отделить одного от другого почти невозможно, не повредив сущности.

Так и с либерализмом – как политическим течением, общественным сознанием, философским выбором. Диагноз, который ставит ему сегодня сама либеральная художественная словесность, неутешителен. Прочитую один из самых непосредственных парадоксальных примеров (цитата «вынута» из романа, выдвинутого на Букеровскую премию): «И все сразу заговорили о том, что в России сегодня наблюдается возникновение антисемитизма вовсе не в той среде, в которой привычно было антисемитизм наблюдать, – в среде *либерально настроенной интеллигенции*. Она обанкротилась, *либеральная интеллигенция*, потерпела провал на сломе эпох. Поэтому ненавидит и завидует всем, мало-мальски преуспевшим».¹

¹ Рубина Д. Синдикат. М., 2004.

1

Либерализм как течение мысли в России имеет недлинную и прерывную историю – в отличие от *свободолюбия* как личного нравственного выбора.

После октябрьского переворота либеральная мысль открыто существовала только в эмиграции.

«Либералами» внутри СССР именовали ту творческую интеллигенцию, которая при- ветствовала ослабление хватки режима (в «оттепель» и «перестройку», например), способ- ствовала смягчению полицейских нравов и насаждению свободомыслия. *Советскими либе- ралами* в разное время были А. Твардовский, К. Симонов, вся редакция журнала «Новый мир», так называемые «шестидесятники» (Е. Евтушенко, А. Вознесенский), театр Ю. Люби- мова на Таганке с его инсценировками прозы и стихов советских писателей-либералов. Был распространен среди литераторов советского времени и ситуативный либерализм: тот или иной писатель, соответствуя духу времени (и ловя этот дух), в периоды относительного либерализма властей («вегетарианские времена», по выражению Ахматовой) выступал как советский либерал, а в периоды идеологических «заморозков» – как опасливый ретроград. Подлинным либералом после 1968 года стал Юрий Трифонов, в повестях городского цикла («Обмен», «Долгое прощание», «Предварительные итоги») впервые безыллюзорно описав- ший советский либерализм и его представителей.

Исайя Берлин в книге «История свободы. Россия» анализирует то, что он называет «советским литературным пейзажем»², существование русской интеллигенции при совет- ском режиме, и говорит об «искусственной диалектике», с помощью которой власть от крайней точки фанатизма (политические чистки и казни, уничтожение «врагов», усиление пропаганды, насаждение страха – это теза) переходила к «некоторым послаблениям» (это антитеза). К либерализации «в отдельных областях, например в литературной критике, поэ- зии или археологии, <...> Снова легче дышится, слышны разговоры о мудрости правителей, о том, что наконец-то раскрылись их глаза на „произвол“; рождается надежда на расширение свобод; начинается оттепель». Далее Берлин пишет: «...непрерывная последовательность „либеральных“ и репрессивных шагов советских правителей строго сохраняется, хотя этот метод больше не поддерживается виртуозным мастерством (или личным садизмом) Ста- лина».

Одним из побочных последствий этого «метода», «оригинального изобретения Ста- лина», была, по Берлину, «полная деморализация слоя, который в СССР <...> обозначают словом „интеллигенция“».³

Однако именно эта «диалектика» как раз и имела среди своих последствий возникно- вение «советских либералов» – наряду с «советскими ретроgrадами» в литературе и искус- стве. Притом и те и другие размещались внутри советской элиты. *Советские либералы* были ближе всего (по стилю жизни, если не по убеждениям – слишком сильное слово) к западни- кам; *советские консерваторы* – к почвенникам. Но наряду с этим существовало и другое – подспудное – направление либеральной мысли в литературе, из советского либерализма вышедшее в диссидентство.

В новых исторических условиях перестройки либерализм проявился как неозападни- чество, вступившее в острую полемику с так называемыми *патриотами* (конец 1980-х).

Либеральное направление в литературе 1960-х – начала 1980-х годов проявляло себя как в подцензурной, непечатной словесности, так и в сам– и тамиздате. Иные писатели

² Берлин И. Литература и искусство при Сталине // Берлин И. История свободы: Россия. М., 2003. С. 391.

³ Берлин И. Молчание в русской культуре // Берлин И. История свободы. Россия. С. 355–357.

появились одновременно и в «подцензурной» печати, и в самиздате. До поры до времени – например, до вызова официальной идеологической власти со стороны «Метрополя» (1979).

В подцензурной словесности либеральное направление не имело другой возможности, как говорить при помощи и через посредство так называемого эзопова языка, который требовал негласного договора между писателем и читателем (проза Юрия Трифонова, Фазиля Искандера и др.).

Сегодня либеральная мысль в литературе существует в свободных условиях. Ей не нужен эзопов язык, ей не приходится преодолевать государственные границы для того, чтобы дойти до печатного станка (тем более до Интернета). Однако споры о либерализме и литературе не утихают; более того, либеральное и антилиберальное течения являются реальными оппонентами в постсоветском литературном пейзаже.

Возникает вопрос: почему в дискуссиях о *русском* (о культурной *русской* идентичности, о *национальной* идее, *национальном* самосознании и т. д.) в обществе никогда не говорится о либерализме – как об одной из плодотворных традиций русской мысли?

Либеральные реформы, через которые Россия проходит вот уже полтора десятилетия, должны были так или иначе повлиять на содержание этих дискуссий.

И они повлияли. Но не так, как можно было бы предположить.

В российской литературе XIX века существовала сильная антилиберальная традиция.

Если сравнить русские корни либерализма (Новиков, Радищев, Герцен) с антилиберальными традициями, то станет очевидным: либеральное течение в истории России «подсоединялось» к революционной мысли. А гротескное изображение российских либералов, карикатура на либералов (и на их образ жизни, как бы оторванный от реальной российской действительности) присутствовали (в разной степени, но...) в антилиберальной литературе: в прозе Достоевского и Льва Толстого, Тургенева и Салтыкова-Щедрина, Чехова и Горького. Традиция гротескного изображения советско-русского либерала была поддержана Владимиром Маканиным (повесть «Один и одна»), Олегом Чухонцевым (поэма «Однофамилец»), Виктором Астафьевым («Царь-рыба», «Печальный детектив»). Можно ли заключить, что сами писатели парадоксальным образом послужили злорадному вытаптыванию маленького поля свободомыслия с его либеральными ростками, дали в руки своим оппонентам аргументы против, привычнее (опять же парадоксальным образом) ощущая себя в выжженном пространстве несвободы? Перефразируя Достоевского – точнее, Великого Инквизитора: сами свободу свяжут и к несвободе придут?

Болезненность проведения либеральных реформ в России 90-х годов прошлого века всколыхнула антилиберальную память литературы, возродила в литературном сознании гротеск и антилиберальную карикатуру; за ними стояло отрицательное отношение если не к самим реформам, так к способам их осуществления. В литературе и искусстве ретротенденции были насаждаемы – еще с самого начала 1990-х – отнюдь не антилибералами и консерваторами, а как раз либеральными авторами.

Все это накладывалось еще и на со школьной (советской) скамьи вбитое в головы понимание либерализма как безусловно ущербного, отрицательного явления, скомпрометированного самим ходом истории.

Разочарование в результатах «перестройки», в президентстве Ельцина, а затем и в действиях новой/старой номенклатуры развило и укрепило в обществе негативное отношение к либеральным переменам, выразившееся, например, в том, что идею введения цензуры поддерживали три четверти опрошенных. Эта ошеломляющая цифра имеет самое непосредственное отношение к литературе, к борьбе в ней либеральных и антилиберальных тенденций. Очень быстро, как оказалось, в обществе начинают нарастать ретроградные настроения, забывается гнет несвободы, закрытость от мира, массовое стукачество, тотальный дефицит.

Следует напомнить о том, что само слово «либеральный» было скомпрометировано и самоназванием (карикатурным) партии Жириновского как *либерально-демократической* (ничего ни либерального, ни демократического в ее идеологии и ее действиях не было изначально). В то же время агрессивная атака на слово (и на писателей, разделяющих либеральные убеждения) шла – и идет – со стороны «левой» прессы («Завтра», «День литературы»).

Литература с начала 1990-х распалась на множество кружков и групп.

Литература, условно говоря антилиберальная, притянула, *втянула* в себя разные формальные и неформальные объединения. Помогло – опять же парадоксальным образом – ей и то, что она была «не при власти», что вся ее объединенная антилиберализмом идеология противостояла тем, кто выступал за демократические реформы, за свободу слова, за его укрепление. Тем, кто поддерживал демократические изменения и власть, которая их порою так неуклюже осуществляла.

2

Либеральная мысль открыто заявила о себе начиная с 1986 года – одновременно с освобождением литературы из-под государственного управления, а затем и из-под цензуры.

Свидетельством этого освобождения и транслятором либеральной мысли стали толстые литературные журналы: художественные разделы были полны републикаций из эмигрантской литературы, литературы метрополии, вынудой из-под спуда. Была легализована литература андеграунда. Разделы общественно-политические (в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Звезда», «Юность», «Нева», в еженедельниках «Огонек», «Московские новости») были отданы статьям и публикациям, открывающим адаптированную проблематику либерализма – через ранее «вытесненные» тексты – читателю. Адресат литературных журналов получал свой пакет: проза – стихи – философский трактат – историческая публикация – критика – эссе. Литературно-критические статьи ведущих критиков исполняли роль интегратора художественной и общественной мысли. В переломный, очень ответственный исторический момент бестселлерами стали роман Александра Бека «Новое назначение» (Знамя. 1986. № 10—11) вкуче с аналитической рецензией на этот роман Гавриила Попова (Наука и жизнь. 1987. № 4). Соображениями по поводу статьи Николая Шмелева «Авансы и долги» или заметки Л. Попковой «Где пышнее пироги» (Новый мир. 1987. № 5) обменивались наряду с впечатлениями от романов «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова («Дружба народов») или «Белые одежды» Владимира Дудинцева («Нева»).

Все эти либеральные симфонии были бы невозможны без продуманной политики журналов и без выбора четкой журнальной позиции. Однако качество рефлексии и комментариев по поводу «вытесненных», а теперь печатаемых текстов, как правило, не отличались глубиной и значительностью. «Для аналитического освоения этих „вытесненных“ текстов, созданных их авторами в совершенно других социальных и культурных обстоятельствах, по иным поводам и причинам, из иного мыслительного материала, как и вообще для работы с неочевидной проблематикой „забытого“, „промежуточного“ и „вычеркнутого“, у литературно-критического сообщества не оказалось необходимых средств, развитых языков обсуждения, способов сложной многоуровневой рефлексии. Популяризаторская профессорская публицистика тех лет – экономическая, историческая, правовая – по тогдашней необходимости или же по всегдашней советской привычке рассчитывала на троечников и при всей полезности намерений исчерпала свои возможности буквально за год-другой. Других интеллектуальных ресурсов за пределами привычной и в общем уже архаической для конца XX века роли просветителей власти и народа у отечественной интеллигенции не нашлось», – заключают социологи Лев Гудков и Борис Дубин⁴. Упрек знаменательный.

Итак, с 1986—1987 годов в обществе нарастает притягательность слова *демократия*. Официально объявленная Горбачевым «демократизация» страны трактуется как процесс, путь к демократии. Но демократ – это тот, кто уже есть. Кого надо услышать.

И писатели, литераторы в широком смысле слова, публицисты, литературные критики становятся ведущими в деле формирования стоящих перед обществом (и человеком) задач, трансляторами демократических убеждений – или, наоборот, их противниками (как *заединицы* из «Молодой гвардии», «Нашего современника», газеты «Московский литератор» и т. д.).

Роль литературы, писателя как *властителя дум*, сам вес его слова в этот период возрастает. Редкий номер влиятельной и влияющей на сознание общества газеты «Москов-

⁴ Гудков Л., Дубин Б. Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // Либеральные реформы и культура: Сб. статей. М., 2003. С. 41.

ские новости», стремительно набирающей популярность, обходится без манифестационных писательских выступлений: интервью, размышлений, «колонок». Газета советско-либерального направления заводит специальную рубрику для выступлений известных писателей-либералов; первыми здесь печатаются Вениамин Каверин, Юрий Нагибин, Владимир Дудинцев. Основополагающие тезисы у всех близки: свобода, нравственность, гуманность. Писатели демократической направленности организуют свое новое писательское сообщество «Апрель». Тиражи толстых литературных журналов стремительно растут и достигают запредельного уровня: 2, 5 миллиона экземпляров у «Нового мира», 1, 8 миллиона у «Дружбы народов», миллион у «Знамени». Читатели поддерживают направление, избранное журналами, которые публикуют запрещенную, «спрятанную» литературу. Поддерживают и демократические идеи: журнал «Огонек», маркировавший новую жизнь статьей о Николае Гумилеве (апрель 1986 года), становится *местом встречи* писателя-демократа с демократом-читателем (см. еженедельно публикуемые письма в редакцию – одну из самых живых и захватывающе интересных рубрик коротичевского «Огонька»).

Внутри КПСС образуется так называемая *демократическая платформа*.

Слово «либерал» по отношению к «советскому» явлению появляется в печати в кавычках. Его употребляют, например, П. Вайль и А. Генис в 1988 году – в книге «60-е», вышедшей сначала в США. «Либералом» авторы именуют А. Твардовского – в отличие от «охранителя» (тоже в кавычках по тексту) В. Кочетова.⁵

Идейная, общественно-политическая борьба в литературе конца 1980-х развела писателей, расколола литературу на два противостоящих лагеря – и либералам без кавычек в этой ситуации трудно было выдерживать либеральные принципы; либералы западнической ориентации (а либералов-«патриотов» тогда в наличии не было) соединялись с демократами. После августа 1991-го и особенно после начала либеральных экономических реформ в либерально-демократическом обществе происходят подвижки и изменения.

Но еще до этого, в конце 1980-х, в либерально-демократической среде образуются два направления: условно говоря, сахаровское и солженицынское. Начинается полемика – между критикой и публицистикой «Знамени», «Огонька», «Московских новостей» и «Нового мира». Со стороны последнего в адрес «Знамени» звучат термины «либеральная жандармерия», «либеральный террор»⁶, подхваченные не столько у публицистов конца XIX – начала XX века, сколько у критиков «Молодой гвардии» и «Нашего современника», у агрессивно «антилиберальных» Владимира Бондаренко, М. Любомудрова и М. Лобанова. Ситуация усложняется: либералы, естественно, реагируют на ложные, с их точки зрения, обвинения. Этот этап исторически фиксируется как первый раскол среди либералов. Литературная борьба вокруг идей Солженицына приобретает острый идеологический характер. К его авторитету, литературному, нравственному и политическому, апеллируют с разных сторон: либералы трактуют Солженицына как идеолога возвратного пути к государственнической, монархической России и чуть ли не «аятоллу» (например, А. Синявский); для других он провозвестник, «трибун и глашатай свободы <...> бескомпромиссно яростный обличитель всякой тирании, всякого насилия над человеком и обществом».⁷

После августа 1991-го размежевание среди литераторов-либералов обостряется: речь идет уже о выборе нового пути для новой России, нового государства.

⁵ Вайль П., Генис А. 60-е. Нью-Йорк, 1988. С. 161.

⁶ Латынина А. Колокольный звон – не молитва // Новый мир. 1989. № 10.

⁷ Чупринин С. Ситуация // Знамя. 1990. № 1.

3

Изменения, затронувшие в новый политический период все без исключения стороны жизни общества, вызвали осенью 1993 года новый политический кризис; борьба вокруг либеральных ценностей, либеральной идеологии приводит к новому расколу среди либералов. В результате реализации свободного предпринимательства, освобождения от ограничений, от контроля со стороны государства либералы разделились на активных сторонников и на не менее активных критиков осуществляемой политики. Либерал (в совсем недавнем прошлом) по убеждениям, постоянный (и пылкий по пафосной стилистике выступлений) автор «Московских новостей» Людмила Сараскина писала: «Та идеология, которая сегодня разрабатывается под видом либеральной, рассчитана даже не на двойной, а на тройной стандарт, когда цены опускают до уровня мировых, зарплату опускают до минимума советских, а благодарности за это ждут как за „наше счастливое детство“. Человека бросают в стихию рынка, но при этом рассчитывают на его социалистическую сознательность; человек на своей шкуре понял и осознал, что шоковая терапия провалилась, но „цивилизованным“ считается поведение, которое этого провала <...> как бы не замечает, ибо критиковать реформы „нелиберально“. Идеологи вульгарного либерализма пропагандируют преимущества либерального общества и либерального строя таким образом, будто мы эти преимущества уже попробовали и от них, как идиоты, отказываемся. Но спорить при этом интеллектуалу-одиночке опасно – заподозрят в симпатии к оппозиции и поставят на вид».⁸

На «круглом столе», проведенном в журнале «Знамя», был зафиксирован «раскол в либералах»; подобное происходило каждый раз перед лицом вызова исторической реальности, и этот раскол, по оценке событий 3–4 октября 1993 года, стал чрезвычайно острым. Более сорока писателей, подписавших обращение к президенту Ельцину, оказались автоматически зачислены (в том числе и отколовшимися, «бывшими» либералами) уже не просто в «либеральную жандармерию». В своей работе, отчасти посвященной итогам «литературного» 1993-го, я констатировала: «Распад либерального лагеря привел к тому, что не только „игра“ пошла на своей половине поля, но и „борьба“ – тоже».⁹ С тех пор, в связи с новыми историческими кризисами, сообщество либералов неоднократно переживало расколы. Следующим таким кризисом стала военная операция в Чечне: либералам, ее поддержавшим, оппонировали либералы, критикующие политику Ельцина. Но тогда противоречия и противостояния «тактически» отставили в сторону по причине надвигающихся президентских выборов 1996 года.

Еще один раскол вызвали дефолт 1998-го и оценка стратегии и тактики очередного либерального правительства С. Кириенко. Следующий – отставка Ельцина и назначение в наследники, а затем и выборы В. В. Путина... Начало второй чеченской кампании... И так далее – вплоть до наших дней.

Либерал потому и либерал, что гражданский выбор его принципиально свободен. И посему к объединениям он склонен гораздо меньше, чем к уединению (тем более если либерал – литератор). Либерала тяготит сама мысль об организации, об организованности – скажем, об организованном выступлении, митинге, в которых всегда участвовали (и которые организовывали) демократы.

Среди литераторов либералов последовательных, сохранивших свое лицо и идентичность в связи с расколами (и отходами в сторону), оставалось все меньше. И охотников нести

⁸ Сараскина Л. На безрыбье. Самоидентификация от противного и очень противного // Знамя. 1993. № 10. С. 166.

⁹ Иванова Н. Игра не по правилам // Иванова Н. Скрытый сюжет: Русская литература на переходе через век. СПб., 2003. С. 358.

на себе груз ответственности за либеральные реформы, либерализацию цен, либеральную политику Ельцина – тоже. Либералов, стремящихся разобраться во всем спектре проблем, с которыми столкнулось и продолжает сталкиваться общество, – еще меньше.

Либералы среди политиков в данном отношении положительного примера не подавали. Нарастающий в России кризис, постигший и без того неотрефлексированное по-настоящему либеральное движение, привел их к поражению на декабрьских (2003 года) выборах в Государственную думу.

Либерализм как течение современной мысли, реализовать которую пытались многие писатели (в своем творчестве – и в своей гражданской позиции, в своем гражданском выборе), также оказался неотрефлексированным. Как *свод идей* современный либерализм во всех своих противоречиях и кризисах так и не был предъявлен обществу.

Но борьба идей внутри либерализма – и, разумеется, оппонирование этим идеям – в литературе не прекращается. Напротив: новые импульсы она обрела именно с началом XXI века. В новом поколении литераторов появились радикальные оппоненты либерализму.

4

Является ли либерализм в России сегодня вообще идеологией? Или он был адаптированным умонастроением значительной части интеллигенции в советское время, в условиях советского режима?

Или либерализм – это защита ценностей свободы, которая в условиях бесцензурного существования утратила для литераторов свою важность?

Литераторы-радикалы стали поддерживать как раз антилиберальные тенденции в литературе. Воинствующий антилиберал Проханов получил за роман «Господин Гексоген» премию «Национальный бестселлер»; воинствующе антилиберальные сочинения – например, «Другая Россия» Эдуарда Лимонова – выходят в издательствах Ad Marginem и «Ультра. Культура», которые делают на антилиберализме свою либеральную издательскую политику.

Напор антилиберальной критики энергичен и, более того, агрессивен: целые медиа-проекты, например газета «Консерватор» (вторая редакция), проводили последовательную и разработанную антилиберальную политику. Однако либералы не хотели и не хотят признавать не то что поражения – даже кризиса.

При этом антилиберальные тенденции были представлены на широком политическом (и литературном) фоне. И сопровождалась целым спектром антилиберальных выступлений по самым разнообразным вопросам: антиамериканских, антиглобалистских, антизападных вообще. Трудности социально-экономического характера, переживаемые обществом, подогревали реваншистские, реставрационные настроения. Неотчетливость государственной идеологии, усиление рыночных реформ и сокращение социальных гарантий приводили – и приводят сегодня – к нарастанию враждебности населения России по отношению ко всему, обозначенному как *либеральное*.

Получается парадокс: в результате как затягивания непопулярных реформ, так и их ускорения все большую силу набирает антилиберальное направление мысли – у разных писателей: от реликтов советской литературы до радикальных представителей авангардных и постмодернистских эстетик.

Здесь важны не только оттенки, но и складывающаяся из мозаики совокупная картина.

«Красный» реваншистский антилиберализм Юрия Бондарева, Михаила Алексева, Валерия Ганичева, например, традиционен: в советские времена они противостояли советскому либерализму, распространенному в среде московского отделения Союза писателей, в «перестройку» яростно обличали Горбачева; сопротивлялись переменам, поддерживали Лигачева и объединялись вокруг известного «письма» Нины Андреевой в редакцию газеты «Советская Россия» «Не могу поступаться принципами».

Вторая составляющая антилиберального направления в литературе – это писатели, группирующиеся вокруг газет «Завтра» и «День литературы»: «красная» и «белая» идеи в смешанном виде. Александр Проханов и Владимир Бондаренко предоставляют место постоянным авторам, оппозиционным и к либерализму, и к самому путинскому правлению, которые они считают замаскированным, прозападным, а на самом деле – продолжающим «либеральное» дело Ельцина.

Ретроградный антилиберализм проповедует в своих статьях Александр Ципко, чаще всего на страницах теперешней «Литературной газеты», в прошлом – издания (по установке) советско-либерального, выделяющегося своим либерализмом из всей советской прессы. Официально – но в рамках – разрешенный либерализм, либерализм для «целевой» аудитории, «предназначенный» властью для позиционирования «Литературной газеты», был подхвачен и развит ее либеральными сотрудниками. Что касается современности, то сегодня

«Литературная газета» в лице своего обозревателя Александра Ципко имеет одного из постоянных трибунов антилиберализма.

Несмотря на совершенно иную, противоположную А. Ципко идейную биографию, по нынешним позициям с ним смыкаются Александр Зиновьев – автор «Зияющих высот», философ-диссидент, эмигрант, а в последнее десятилетие, после своего возвращения в Россию, постоянный оппонент либеральной мысли, – и Виктор Третьяков, бывший главный редактор «Независимой газеты», ныне один из постоянных авторов «ЛГ».

«Литературная газета» осуществляет связь между писателями, условно говоря, еще советского антилиберализма с писателями-антилибералами других поколений. Если говорить о позиции газеты, то здесь знаковым стало возвращение профиля Горького – как основателя Союза писателей и инициатора возобновления газеты. (Реабилитация самой идеи Союза писателей как коллективного организатора единой литературной жизни идет через положительное переосмысление – после «перестроечного» низвержения – опыта в связи 70-летним юбилеем I съезда СП СССР¹⁰.)

Разновидности современного антилиберализма в литературе объединяет отрицательное отношение к недавним историческим периодам либерализации (Михаил Горбачев, «перестройка», «гласность») и либерализма (Борис Ельцин, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, либеральные реформы). Колеблется и до конца не определено отношение к Владимиру Путину. С одной стороны, приветствуется его *борьба с олигархом* (Михаил Ходорковский), ужесточение государственного контроля, идея возрождения «великой державы», опора на патриотизм и национальное прошлое, восстановление советских знаков и ритуалов, включение советского периода в положительную историосферу (красное знамя РА, старый/новый гимны), государственная поддержка православной церкви и т. д. Путин как бы идеально соединяет «красных» патриотов (чекистское прошлое, реабилитация брежневского и отчасти сталинского периода – вплоть до почетной памятной доски Ю. В. Андропову, пафосного выступления перед ветеранами на праздновании 80-летия ЧК – НКВД – КГБ и т. д.) с «белыми» (публичная воцерковленность, игра на воссоединение Зарубежной и Российской Церквей, апелляция к «великой России»). С другой стороны, Путин настораживает своим экономическим либерализмом. Сейчас, когда либералы от «Яблока» и СПС не попали в Государственную думу, именно Путин представляет правый фланг либерализма во власти, демонстративно поправляя, например, нелиберальный закон о митингах. Правда, Путин сам скорректировал этот либерализм антилиберальным законопроектом, ликвидирующим выборы губернаторов.

Отношение к предыдущим историческим периодам, их оценка объединяет антилибералов – ветеранов (М. Алексеев, Ю. Бондарев и др.), *среднего* (условно) поколения (А. Ципко, В. Третьяков и др.), экстремистов (Э. Лимонов с его национал-большевистской партией) с молодыми антилибералами – как радикалами, так и консерваторами от литературы. Праворадикален в своих текстах, проектах и выступлениях антилиберал и романтический консерватор Дмитрий Галковский¹¹. Вызывающе антилиберальные выступления в «Независимой газете», направленные против «советских философов» и шестидесятников, книга «Бесконечный тупик», печатавшаяся фрагментами в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Континент», так же резко антилиберальны, как и составленная им антология советской поэзии «Уткоречь» и статьи о советской поэзии.

Праворадикалы, леворадикалы, «монстры» советской литературы образуют не единство, а круги с пересекающимися поверхностями. Пересечения идут по следующим вопросам: 1) СССР и советское прошлое; 2) Российская империя, монархия; 3) коммунистическая

¹⁰ См.: Крупин В., Шестинский О., Ваншенкин К. и др. Союз в моей жизни // Литературная газета. 2004. 11–17 августа

¹¹ Галковский Д. Пропаганда. М., 2003.

партия; 4) Сталин и сталинизм; 5) антисемитизм, «антисемитофобия». Набор предпочтений может быть разным – но набирают из одного мешка.

5

Левые *радикалы* подсоединяют к положительному опыту советскую историю и советскую литературу, например советский «трэш» в проекте «Атлантида» издательства Ad Marginem с издательским слоганом «назад, в будущее!». «Эта литература безумно оптимистична (социализм и подразумевает социальный оптимизм, устремленность в «светлое будущее», идеальных положительных героев времени и однозначных врагов. – Н. И.), люди верили, что будущее – за дверью (роль пропаганды в такого рода литературе. – Н. И.) <...> „Атлантида“ направлена на возврат базовых понятий, которые нельзя терять. Это попытка преодолеть разрыв, когда в угоду политическим установкам в 90-е годы люди отказывались от родителей – простых советских служащих»¹². Таким образом, цели, сформулированные издателем, – отнюдь не эстетические, а идеологические, с ключевыми словами «возврат базовых ценностей», где под *базовыми* определены *советские*. В отличие, например, от диссидента в советском прошлом Г. Павловского, который определяет *базовые ценности* как антисоциалистические и антисоветские: «А после того как кто угодно – хоть Калугин, хоть любой предатель – назвался диссидентом, слово ничего не значит. Вот пример: шестидесятников называют диссидентами, и они это повторяют. А тогда разницу хорошо ощущали, ведь Движение доопределилось именно после ошеломляющего предательства шестидесятниками, всей средой переметнувшимися в начале 70-х годов на сторону „реального социализма“. Диссиденты составились в Движение из тех, кто отказался предать базовые ценности».¹³

Показательной линией, разграничивающей либералов и антилибералов, является не отношение их к свободе (здесь почти все без исключения клянутся свободой и требуют свободы, – и как только либералы проявляют свою жесткую позицию к антилибералам, их тут же «ловят» на антилиберализме), а отношение к Западу.

Вспоминая время «перестройки» и идеологическое самоопределение в нем, Александр Ципко пишет: «... наша полемика с Игорем Клямкиным в конце восьмидесятых – начале девяностых годов по поводу истоков сталинизма как раз и была началом диалога между возрождающимися тогда „либералами-националистами» и зарождающимися „либералами-западниками“». Но здесь же Ципко обвиняет во всех придуманных им лично («как я убежден» – доказательств нет, только мысль о «враге») грехах именно «либералов-западников», оставляя, видимо, за собой определение «либерал», которое ему никак не соответствует: «Новые западники говорят себе (? – Н. И.), что их больше всего заботит благосостояние, которого никогда в России не было, заботит будущее свободы в России. Но на самом деле ими, *как я убежден*, движет слепой, но всемогущий инстинкт разрушения российской государственности»¹⁴. В мобилизационном духе высказывается публицист Егор Холмогоров: «И офицерский, и солдатский состав русской армии должны приобрести характер открытой касты, в которую вход – рубль, выход – вперед ногами. Другое дело – как достичь этого, преодолев демократию либеральную и социальную, как вызвать таким переходом у народа не недовольство, а энтузиазм?»¹⁵

Формируется отношение к Западу как к мифу – силе, так или иначе противостоящей, враждебной России. Антилиберализм продолжает традицию советского восприятия Запада

¹² Михаил Котомин в беседе с Ольгой Дунаевской // Московские новости. 2003. № 21.

¹³ Павловский Г. «Поиски»: Провалившееся восстание / Беседовала Татьяна Трофимова // Русский журнал. 2003. 9 июня www.russ.ru/politics>.

¹⁴ Ципко А. На западном фронте // Литературная газета. 2003. 9–15 апреля. № 14.

¹⁵ Холмогоров Е. Оборонное сознание // Консерватор. 2003. 28 марта. № 11.

– как врага (в широком контексте: от глобализма до НАТО, от ЕС и США до ВТО и Израиля). Публицист Гейдар Джемаль в беседе с Дмитрием Быковым заявляет: «Россия станет центром огромного интернационального проекта. <...> Безусловно антизападного, безусловно антипрагматичного и международного. <...> Не обязательно [исламского]. Но в любом случае религиозного. Тогда и национальная идея появится сама собой, и люди...»¹⁶

И здесь к вышеперечисленному конгломерату антилибералов примыкают новые составляющие: 1) правоконсервативная и 2) леворадикальная. Представленные в одном (молодом) поколении.

Правоконсервативная, как она себя заявила, – это группа литераторов во второй редакции недолго просуществовавшей газеты «Консерватор».

Дмитрий Быков: «Тактика их все та же – гуманизм на марше. Мы не хотим кровопролития. Мы не хотим ни великой России, ни великих потрясений (потому что сегодня уже ясно, что без великих потрясений никакой великой России не будет)»¹⁷. Это – *мягкий* вариант идеологического формулирования, дополненный в газете жесткими установками: «... все тот же прекраснотупый либерализм: мечтания о старосоветском Человеке Воспитанном, до которого гадкое человечество со щипцами все никак не дорастет. Все мешает „вредная невоспитанная обезьяна“ внутри человека, низшее животное начало. Просвещенческая у топия, XIX век... Философия класса, ничего не забывшего и ничему не научившегося. Помилуйте, господа. Помилуйте, господа. Ну при чем тут ваше „воспитание“. Для начала не надо быть падлой. Падлой не надо быть (лексически и синтаксически любопытный прием полемики; видимо, философски антилиберальный: заклеить „личность“ оппонента блатным словечком. – Н. И.). И зарубить себе на носу, что измена Родине (а интеллигенция коллективно совершила именно это) себя не окупает (обвинение тянет на статью УК. – Н. И.). Вот тогда, может быть, вы и отползете от параша (уголовный, угрожающий язык. – Н. И.).»¹⁸

Совсем, казалось бы, с другой стороны входит в состав антилибералов леворадикальное направление. «Спецназ России», «Левая Россия», «Завтра» постоянно публикуют статьи, нет, точнее, по жанру это манифесты, предназначенные для стимуляции леворадикальных практик, и не только¹⁹. Здесь оказывается пригодной и опора на леворадикальные авторитеты из зарубежья («На самом деле ситуация с книгой Маркоса – это *прорыв*. <...> Выходили ведь и раньше книги левых теоретиков – буржуазные СМИ их *игнорировали*. Игнорировать Маркоса оказалось невозможно потому, что *дети главных редакторов и редакторов отделов* этих самых буржуазных СМИ стали читать Маркоса и зачитываться им»²⁰), и апелляция к сталинизму («Вершина существования Советского Союза – Сталинский проект представлял собой идеальный тип предельной эффективности. По-видимому, люди просто не в состоянии выдерживать существование с такой интенсивностью. <...> При Сталине это был, по-видимому, самый быстрый и эффективный селекционный механизм – поставить невыполнимую задачу и, выхватывая почти вслепую кандидатов с самого низа, мгновенно отбраковывать несправившихся, пока не находился тот, кто делал задачу выполнимой»)²¹.

¹⁶ Джемаль Г. Новые люди сгустятся из тумана / Беседу вел Дмитрий Быков // Консерватор. 2003. 11 апреля. № 13.

¹⁷ Быков Д. // Консерватор. 2003. 30 мая. № 18.

¹⁸ Крылов К. Проклятая свинья жизни // Консерватор. 2003. 23 мая. № 17.

¹⁹ «Но несколько автоматов, приобретенных нацболами, – на мой взгляд, сушая ерунда по сравнению с той кошмарной утопией, которой грезит Лимонов, талантливо вбивая свои страшные бредни в неокрепшие мозги молодых маргиналов» (Латынина А. Суд и автомат // Время МН. 2003. 22 апреля). Комментирует А. Василевский, составитель раздела «Периодика» в журнале «Новый мир»: «...она же замечает, что по сравнению с лимоновской „Другой Россией“ „Майн Кампф“ кажется невинной либеральной болтовней» (Новый мир. 2003. № 7. С. 216).

²⁰ Тарасов А. На стороне Ацтеков: Послания моему редактору Антону Баумгарштейну // Левая Россия: Политический понедельник. 2003. 4 июля. № 14(90).

²¹ Асриян А. Сталинизм... // Спецназ России. 2003. № 3(78).

Леворадикалов и ультраправых консерваторов в России в равной степени разделяет и объединяет отношение к коммунизму и коммунистическим идеям, отношение к евреям и антисемитизму, к Сталину и Ленину. Если в газете «Консерватор» Дмитрий Быков (как один из замов редактора) представлял точку зрения скорее праворадикальную, то Дмитрий Ольшанский (другой замредактора) – скорее младолеворадикальную. Однако в статье к годовщине со дня рождения Ленина он кардинально пересматривает дело уже списанного «вдохновенного людоеда»²² под знаком борьбы с либерализмом: «Несть числа дряни, что наговорена о Ленине в последние пятнадцать лет <...> либеральная публика визжала о „германских деньгах“ и в те времена, стыдливо умалчивая о средствах английских и общема-сонских, потраченных на нее, такую неподкупную»; «...главный исторический смысл сделанного Лениным <...> расквитаться с Западом за новации гнусного Петра...»; «Именно Владимиру Ильичу должны мы сказать спасибо за то, что у нас до сих пор, слава Богу, не Европа...»; «...Ленин был наш выдающийся государственный и консерватор ...»²³

Главный редактор журнала «НЛО» Ирина Прохорова справедливо считает, что сегодня в обществе отсутствует «элементарная система координат»²⁴, при этом имея в виду эстетическую, – но совершенно так же отсутствует (пример – выше) и политическая система координат, даже у писателей и журналистов, работающих вместе и должных предлагать обществу совместный четкий политический месседж. Отсюда не только неадекватность, но и раздвоенность политической идентификации – наряду с прямолинейностью (как у отдельного СМИ, так и – бывает – у одного литератора, у одного журналиста).

При сбитости, неадекватности реагирования, при отсутствии системы координат слова и понятия меняют, а то и теряют свое значение. Тем более если все это происходит еще и внутри кризиса самих политических идей.

Проект «Либерализм: взгляд из литературы» начинался осенью 2003 года, за полгода до «дела ЮКОСа» и за полгода до статьи «Кризис либерализма», присланной М. Ходорковским из тюрьмы. Но сама идеология либерализма еще до всего этого подвергалась – в течение последних лет – жесткой критике, констатирующей наличие серьезных проблем внутри либерализма в России. И очевидно, это не могло не затронуть литературу, не выразиться в литературной – в том числе – полемике.

Наблюдательный совет первой редакции газеты «Консерватор», просуществовавшей совсем недолго и выпустившей всего шестнадцать номеров, возглавила Татьяна Толстая. Она же попыталась формулировать на страницах «Консерватора» прежде всего идеологию либерального консерватизма. Первую редакцию в скором времени сменила вторая – и уже в пятом номере последовала отповедь Татьяне Толстой со стороны *новой* редакции «Консерватора», рвущей – наглядно для читателя – с редакцией старой. В памфлете Дмитрия Быкова «Из бывших» слово «фашист» (и однокорневые с ним), которое в интервью радиостанции «Эхо Москвы» Толстая употребила, оценивая окрашенность идеологии новой редакции, повторялось десять раз, с возмущением и негодованием по поводу Толстой. От «фашиста» (хотя выдержки и цитаты, приведенные выше, свидетельствуют о пропаганде изоляционизма и враждебности по отношению к «другим» – этнически в том числе; а зам. главного редактора Д. Ольшанский гордо определил на страницах газеты свои убеждения как «черносотенство») Быков агрессивно переходит к «либералу» и «либерализму» – и здесь контекст слова носит исключительно негативный характер: «Уж как-нибудь, наверное, Татьяна Никитична встречала слабоумных на своем веку – круг общения, чай, широкий, одних либералов штук сто»; «И Толстая <...> не может не видеть, до какой степени пошл

²² Архангельский А. А гроб и ныне там // Известия. 2003. 22 апреля. № 71.

²³ Ольшанский Д. Керженский дух, игуменский окрик // Консерватор. 2003. 18 апреля. № 14.

²⁴ Цит. по: Осминская Н. От литературного ренессанса к гуманитарной революции // НГ-Ex libris. 2003. 10 апреля. № 13.

весь этот круг и насколько тут неуместен человек с талантом. Однако здесь сейчас слава и зеленые либеральные ценности, а от таких вещей отказаться, увы, невозможно»; «Сейчас эти эссе, собранные в книги „День“ и „Изюм“, поражают бедностью мысли, ее ограниченностью, что в либеральных кругах всегда приветствовалось»; «...либеральная тусовка как затянула свою песню о желательности тихого омута, так и тянет ее до сих пор»²⁵ и т. д. Д. Быков клеймит либерализм и все связанное с этим понятием в своем памфлете, он же расправляется с либерализмом, его бесхребетностью в романе «Оправдание». Сюжет прост: Сталин и сталинщина *выбирают* из людей самых стойких, специально испытывая их в лагерях, – выживают (и тренируются) сильнейшие духом и телом, победившие в Великую Отечественную. Сюжет должен был, по намерению автора, вызвать возмущенную реакцию в либеральной литературной среде, – однако возмущение, если и последовало, касалось скорее *языка* данного сочинения, нежели авторских идей.

Практически одновременно с «Консерватором» обеих недолговечных редакций появились в печати рассказы и повести Владимира Маканина из задуманной им книги «Высокая-высокая луна»: «Неадекватен», «За кого проголосует маленький человек» (Новый мир. 2002. № 5), «Без политики» (Там же. 2003. № 8), «Долгожители» (Там же. 2003. № 9), «Могли ли демократы написать гимн...» (Там же. 2003. № 10). Маканин – писатель с явным даром общественно-политического предвидения, диагност и социальный критик, прекрасно ощущающий на уровне «камешка» сейсмические подвижки и грозящие обвалом изменения в обществе, кризисы и господство разных идей, их «круговорот», фиксирует внимание читателя на отсутствии энергии, истощенности, *импотенции* «либералов» и «демократов», не без сарказма и гротеска им изображенных. Еще в 2001 году литературоведом Андреем Зориным было отмечено как очевидное, что в стране и обществе «растут акции правого неоконсерватизма, своего рода неопочвенничество и новое государственничество. <...> Конечно, в этой волне кто-то четче и осмысленнее рефлекирует собственную эволюцию, а кто-то продолжает называть себя либералом».²⁶

С начала XXI века от самоопределения «либерал» (или тем более «демократ») не без «помощи» либеральной прессы и литературы, плоско, поверхностно, ангажированно муссирующих это слово (и понятие), начинает веять чем-то затхло-стоическим в духе ритуального шестидесятничества. Слово *либерал* попадает в одно смысловое гнездо со словом (и понятием) *интеллигент*, подвергающимся осмеянию и низвержению. «Так что прощай, интеллигенция, тебе уже почти никто руки не подает. А мы для своего культурного сословия найдем новое имя, приличное. Да и это, кстати, как будто неплохо звучит: русское культурное сословие».²⁷

²⁵ Быков Д. Из бывших: Татьяна Никитична громко плачет, а мячик плавает // Консерватор. 2004. 14–20 февраля. № 5(21).

²⁶ Андрей Зорин в беседе с Модестом Колеровым // Время МН. 2001. 7 августа. № 137.

²⁷ Лоциц Ю., Уханов И. Выстоять и выстрадать // Завтра. 2001. 8 сентября. № 38.

6

Неотрефлектированность и неоформленность, несформулированность *либеральных идей* объяснимы: границы либерализма в принципе подвижны, эластичны, но не беспредельны: он включает в себя различные области, адаптируя их; для либерализма «другой» – не враг, как для антилиберала, а действительно «другой», имеющий право на свою инакость.

Либерализм исповедует политкорректность и толерантность, подвергая критике соответственно неполиткорректность и нетолерантность. В свою очередь, либерализм со стороны антилиберализма подвергается сегодня обструкции в качестве идеологии свободного рынка и свободного предпринимательства в экономике, в качестве идеологии свободы – как вседозволенности – в литературе.

Одним из острых публичных конфликтов вокруг либерализма в литературе стал конфликт вокруг произведений Владимира Сорокина. Литературные либералы – в силу своего либерализма – защищали Сорокина от обвинений в порнографии; однако общественное мнение против Сорокина возбуждали те, кто на политической карте позиционируют себя как либералы («Идущие вместе» поддерживают государственную идеологию – так, как они ее понимают). А идейными союзниками «Идущих вместе» (демонстративно уничтожающими книги Сорокина) стали как раз антилибералы, выступившие против свободы печати. «Идущие вместе» попытались противопоставить книгам Сорокина и Пелевина книги Бориса Васильева, как раз вполне либерального по духу писателя (отказавшегося от манипулирования его именем в нечистой игре). Проверкой общества на либерализм стал и вопрос о цензуре. На самом деле борьба либеральных тенденций с антилиберальными происходит постоянно и внутри либеральных обществ (и даже стран, избравших либерализм основой своего устройства и политики – например, в США любой общественно важный вопрос дискутируется, в том числе и с противоположной либеральной точки зрения). Важно, что в конце концов побеждает – «лакмусовой бумажкой» здесь является либо запрет, либо разрешение. Границы для литературы, полагаемые обществом возможными, являются здесь серьезным, знаковым показателем.

Но либерализм в своей безграничности разрешений одновременно и парадоксально выступает ограничителем самого себя – через борьбу за разрешение оппонента (снятие с него запрета): например, новое либеральное и демократическое государство, возникшее после августа 1991-го, разрешило крайне антилиберальные периодические издания.

При этом если либерализм в литературе не оживляется инъекциями радикальных экспериментов, то не становится ли вялым, эпигонским, безжизненным? И сокращение территории влияния либеральных идей не происходит ли, в частности, за счет того, что многие либеральные писатели исчерпали – или исчерпывают – свою креативность, повторяя либеральные банальности? Ведь либеральные идеи – не стоячая вода, они нуждаются в движении и развитии.

Но либералы (в том числе и от литературы) *отрекаются от либерализма, когда видят его трудности* и не очень приятные последствия.

Вся история «интеллигенции при „свободе“ – стыд и позор, – пишет, например, Александр Агеев в дискуссионном „конференц-зале“ журнала „Знамя“. – <...> Первые шаги по либеральному пути были встречены почти единодушной интеллигентской истерикой: вся ответственность за безобразие происходящего была поспешно свалена на „чужую власть“, как писал тогда Ю. Буртин. Расстрел Белого дома, первая чеченская война, залоговые аукционы, выборы 1996 года – все эти события тут же становились поводом для публичного „умывания рук“, и главным делом среднего „интеллигента“ было не понять логику событий, а яростно отмежеваться от государства, которое, между тем, худо-бедно продолжало защи-

щать базовые свободы»²⁸. В своем отходе (и страхе) «либеральная общественность не дала нам освободиться от тяжелой длани коммунистов, которые <...> потом смекнули, как им подфартило с союзниками. <...> Первый президент демократической России, выдающееся лицо российской истории, оказался трагической фигурой. Он победил коммунистов, но пал под ударами либералов». Философ Рената Гальцева, которой принадлежат эти слова, считает, что «поведение оппозиционно настроенных» привело к «тотальной идеологии беспредельного рассвобождения», отодвинув на задний план идеи классического либерализма²⁹. Но нельзя было не заметить, что эта идеология клялась либерализмом и блюла свои границы, устраивая, по замечанию Л. Сараскиной, «тест» на вступление в либеральную партию – однозначным (и только!) отношением к тому или иному событию или деятелю³⁰. А с другой стороны – как же обойтись без прямого, не виляющего ответа на грозные вызовы времени? На вопрос об 11 сентября, например, Семен Файбисович отвечает однозначно³¹, а Людмила Сараскина иронизирует через месяц с небольшим после катастрофы в Нью-Йорке: «И что-то не видно ни такого либерального СМИ, ни таких смельчаков-журналистов, которые бы, по громким примерам своих прославленных коллег, дерзнули пробраться горными тропами к тем, „кто не с нами“, чтобы дать им микрофон. И что-то не слышно правозащитников, готовых перед всем миром защитить право этих потенциальных героев на исполнение профессионального долга». То есть идти «горными тропами» к бен Ладену за его «правдой»: по идее почти совпадает с антиамериканским злорадством комментаторов в газете «Завтра». Сараскина утверждает, что это и есть плюрализм, либерализм и т. д. *в действии*.

²⁸ Агеев А. Выступление в «конференц-зале» «Раскол в либералах» // Знамя. 2002. № 1. С. 161.

²⁹ Гальцева Р. // Там же. С. 163.

³⁰ Сараскина Л. // Там же. С. 165.

³¹ Файбисович С. // Там же. С. 170.

7

Литература боролась за свободу – в течение десятилетий советской власти, даже *внутри* внешнего, порою почтительного, подчинения этой власти. Эзоповым языком написаны замечательные книги, авторы которых как бы заключали негласный договор с понимающим читателем, декодирующим зашифрованный текст.

Литература боролась за свободу – через самиздат. Ее авторы подвергались преследованиям, но саму литературу это не останавливало.

Как литература воспользовалась дарами свободы?

Андрей Немзер поставил свой диагноз: «Замечательное десятилетие», так называется сборник его статей и рецензий, посвященных литературе последних лет.

Алла Латынина – свой: ее статья «Сумерки литературы» открыла дискуссию в «Литературной газете».

«Русская литература умерла» – под этим слоганом прошла дискуссия на телеканале «Культура» в программе Михаила Швыдкого «Культурная революция».

Так или иначе, доказывая прямо противоположные тезисы, критики сходились в двух положениях: 1) литература потеряла свою былую влияние; 2) литература деидеологизировалась.

Никто не сопоставил эти два умозаключения в качестве причины и следствия, хотя они очевидно взаимосвязаны.

Выступая по поводу вручения ему премии Аполлона Григорьева за роман «Биг-бит», Юрий Арабов сказал, что русская литература последнего времени нарушила негласный общественный договор, отошла от читателя, отвернулась от него – и теперь наказана читательским (и общественным) равнодушием. Сосредоточенность на узких, частных, не представляющих никакого социального и идейного смысла вещах принесла литератору заслуженную непопулярность. Оказавшись на свободе, литература обрела права, но забыла свои обязанности.

Критика сегодня изолирует литературу и от общественной жизни, хотя здесь открывается много показательных параллелей. Например, правозащитник Людмила Алексеева в дискуссии «Свобода в современной России: какова ее ценность?», проведенной Фондом «Либеральная миссия», тоже назвала десятилетие (с 1991 года) «замечательным»³², сходясь с той частью литературной критики, которая *положительно оценивает литературу, развивающуюся в условиях свободы*. Евгений Ясин, открывавший эту дискуссию, утверждает: «... либо Россия будет свободной страной, либо у нее не будет перспектив», – обращая тем не менее тревожное внимание на то, что «гражданские права и свободы, как правило, не получают у людей высоких оценок в ряду ценностей». А ведь совсем – исторически – недавно дело до «прав» писателю было. И общество бурно реагировало на писательский месседж. И было не только гражданским обществом, но и читательским сообществом.

Однако многое за последние годы изменилось – в том числе и отношение писателя к своей общественной роли, которую он видит незавершенной только в том случае, если за нее достаточно хорошо платят. Ослабление интереса к литературе и ослабление интереса писателя к обществу – процесс двуединый.

Кризис и «затмение либеральных идей» (выражение Р. Капелюшников³³) не только в XIX, но и в конце XX – начале XXI века, т. е. уже в наше время, имеют свои причины: 1) либерализм действительно стал отождествляться с защитой существующего порядка вещей;

³² Алексеева Л. // Стенограмма дискуссии «Свобода в современной России: какова ее ценность?», <http://www.liberal.ru>.

³³ Капелюшников Р. // Там же.

2) либеральная интеллектуальная программа не разрабатывалась. Еще Хайек писал, что строительство свободного общества надо сделать «интеллектуальным приключением», – в России же либерализм окуклился в бесконечные политологические напыщенные словопрения, «слова, слова, слова», от которых отшатнулись и общество, и литература. Так что *разошлись* в разные стороны все составляющие: либерализм остался наедине с собой; литература продолжала сокращать свое влияние (и ей тоже грозит остаться наедине с собой); а общество, равнодушно предоставленное самому себе и «либеральным реформам», которые легли непосильным бременем на десятки миллионов сограждан, постепенно перестало быть таковым – в гражданском смысле: «мы не можем сформировать либеральное общественное сознание»³⁴. После «краткого прорыва к мечтательному либерализму» (Леонид Седов), после *романтического периода свободолюбия* литература стала снова возвращаться к «предромантическим» установкам (литература в ее самосознании – о конкретных художественных текстах речь не идет).

Достаточно сравнить отношение к литературным институциям и структурам сейчас и – десять–двенадцать лет тому назад.

Союз писателей СССР, заклеенный тогда как инструмент тоталитарного насилия и «коллективизации писателей», сегодня писателями разных поколений и разных, казалось бы, мировоззренческих установок оценивается как структура, сыгравшая безусловно позитивную роль в судьбе данного (опрошенного) писателя.³⁵

Литературная карта мозаична. Сегодня в России не одна, а несколько литератур. Та литература, которая исторически еще совсем недавно была советской, ничего не забыла – и сейчас берет *ревани* (как может, конечно). Она действует теми методами, которые сформировали ее существование в 1950–1980-е годы, от сталинского времени – к брежневскому.

Литература либералов-шестидесятников во многом исчерпала свой потенциал, и даже самые либеральные ее призывы не приносят существенного отклика и не вызывают общественной поддержки.

Литература бывшего андеграунда выросла в сознательном отторжении общественного message'a и, несмотря на смену социальных формаций, остается верной идее неучастия.

Либерализм, в том числе и стилистически, представляется (да и является) довольно скучным. То ли дело грозные акции, резкие, шоковые выступления, агрессивные высказывания, ненормативная лексика: это нарушает не только политкорректность, но и скуку.

Но одно дело, когда это происходит в давно сформировавшейся, спокойной, демократически развитой и экономически благополучной стране; другое дело – в постоянно грозящей обвалиться России. От такого «антилиберализма» отечественной выделки ищут убежища не в либерализме, а в автократии.

В России (и в ее литературе) либерализм никак не может (хотя бы интеллектуально) воссоединиться с консерватизмом. Либерализм, напротив, сочетается с... авангардом (таковы – исключительно – культурные акции под покровительством «либерального» С. Кириенко).

Спутанное сознание – запутанные отношения идей и идеологий.

В этой смуте и сумятице литература тратит свои ресурсы и вырабатывает новые стратегии, о которых и шла речь на «круглых столах» с участием писателей, критиков, издателей.

³⁴ Тимофеев Л. // Там же.

³⁵ См.: Михалков С. Жил-был Союз... // Литературная газета. 2004.11–17 августа. № 32/33.

8

Настоящее исследование выполнялось в Фонде «Либеральная миссия» в рамках проекта «Открытая книга: живая дискуссия».

Работа продолжалась с октября 2003 по июнь 2004 года. В ней приняли участие многие известные критики, прозаики, поэты, социологи, издатели, редакторы литературных журналов, выступив на организованных Фондом семинарах – ситуационных анализах, которые были посвящены острым вопросам пересечения литературы с идеологией.

Как либеральные идеи и ценности отражаются в современной литературе? Чем объясняется усиление наступления на либеральную идею в российской словесности? Эти вопросы вместе со мной обсуждали Андрей Дмитриев, Алла Латынина, Андрей Немзер, Лев Рубинштейн, Сергей Чупринин.

Слово «либерал» и производные от него стали употребляться частью критиков с негативным оттенком; определение «консерватор» расплывчато, размыто. В литературе сегодня наличествует кризис литературных идей. Он связан с их неотрефлексированностью – или с разочарованием в них? А может быть, по утверждению И. Д. Осипова, «в русском либерализме проявился феномен „опережающего мышления“, который обусловил определенное несоответствие социальной философии либерализма конкретным социокультурным реалиям России» – не только начала XX века, как справедливо пишет автор, но и начала XXI века? «Драма русского либерализма заключалась в отсутствии широкой социальной базы для реализации социальных идей»³⁶ – а что, если эта *база* вообще из трудно(не)достижимых? Возникает ощущение, что идея свободы, основополагающая идея либерализма, сегодня терпит поражение. Общество к ней равнодушно, для литературы она потеряла свою ошеломительную новизну и привлекательность.

Разочарование может быть связано и с тем, что, во-первых, свобода как таковая ничего не обеспечила, ничего не принесла «на блюдечке»; во-вторых, сам либерализм в России не создал до сих пор четко выраженную систему ценностей. Но ведь для литературы свобода творческого выражения была самой заманчивой и самой главной целью. Сейчас она приобретает новую креативность – уже не в либеральном духе, а в антилиберальном, радикальном, если не анархическом, разрушительном.

Оппозиция «неозападники – неославянофилы» сегодня уже во многом выглядит устаревшей, уходящей на периферию общественных дискуссий, после долгих лет обостренных взаимных обвинений она вытесняется на идеологическую обочину, становится второстепенной. Возникает ощущение, что «главный русский спор»³⁷, на который ушло так много энергии, не то что бы закончен, отменен или «разрешен» – нет, он подвергается новым значительным «вливаниям», видоизменяется, перерождается – под влиянием глобальных сдвигов, угрозы террора и катастроф. Вытесняя и заменяя ту дискуссию, на первый план выходит (все более обостряясь в связи с вовлечением мощного актуального международного материала) оппозиция «либералы – антилибералы». В самых разных идеологических оттенках: к ней подключаются как литературные радикалы «слева» (в широком спектре от книг Э. Лимонова до текстов А. Цветкова, Себастьяна Найта, Гарика Осипова, Всеволода Емелина, Сергея Троицкого «Паука», Дмитрия Пименова и т. д.), так и ультраправые националисты (см.

³⁶ Осипов И. Д. Историко-культурные основания российского либерализма // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С. 62.

³⁷ См.: Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор: От западников и славянофилов до глобализма и нового Средневековья. М., 2003.

тексты А. Проханова, Дм. Ольшанского), а также те, кто именует себя настоящими, «правыми» консерваторами.

Либерализм в России почти всегда был консервативным: «конституирующим признаком либеральной социальной философии является мера, удерживающая свободный человеческий дух в общественных рамках и культурных формах»³⁸. И тем не менее в России (исключая советский период) именно либерализм, насаждаемый «узким кругом интеллектуалов в элите», был орудием модернизации – в отличие от Европы, где либерализм возникает снизу. В России же «трагедия и русского консерватизма, и русского либерализма заключалась в том, что вопрос о *динамике*, о плавности преобразований, был <...> подменен вопросом о *ценностях*»³⁹. То же самое происходит и сегодня, в том числе и в литературе: многие из критиков либерализма имеют в виду отнюдь не либерализм как таковой, а ведущую государственную идеологию (хотя именно государственная идеология прагматически «подключается» к либерализму – иначе невозможна никакая модернизация, удвоение ВВП и тому подобные близкие и далекие экономические цели, поставленные перед правительством).

А в литературе сегодня оппозиция либерализму выстраивается из «самоназывающегося» консерватизма, представленного самыми разными авторами – от праворадикального Михаила Ремизова⁴⁰, взявшего в пример «либерального консерватора» Алексея Кара-Мурзу⁴¹, до Максима Соколова.⁴²

Пристыженный либерализм всячески отрекается от идеологии и социальности в литературе, клянется неангажированностью, – радикализм слева и справа действует с открытых идеологических позиций (ниша ведь свободна – и ее немедленно заполняют): «Мы гениальные поэты, / Мы ничего не станем ждать, / Мы купим злые пистолеты / И будем нагло убивать».⁴³

Из другого стихотворения: «Любить Автору и Рейхстаг, / Топор, и бритву в кокаине, / И свастику, и красный флаг, / И Гитлера, и Муссолини».

Ключевыми темами и стихов, и прозы становятся наряду с реабилитацией фашизма и прославлением коммунизма канибализм, убийство, насилие, агрессия, террор: «Как я люблю тебя, Моцарт-товарищ, / Гитлер-товарищ не переваришь, / Гитлер амиго принцем Тамино / Нежно рисует дома в руине...»⁴⁴

«Закрывая глаза, я вижу банды диких девочек, громящих города. Они орут, визжат, кидают камни и стреляют. Современное оружие не требует для употребления его мясомассных здоровяков-спецназовцев. Тот, кто может поднять автомат, – сможет и стрелять из него»⁴⁵. Лимонова держали в тюрьме за хранение (распространение?) оружия, но кто подсчитал, как отзывается атака на подсознание – словом?

³⁸ Осипов И. Д. Указ. соч. С. 60.

³⁹ Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С. 11.

⁴⁰ Ремизов М. Ответ консервативной критики. М., 2002.

⁴¹ Подмечено И. Роднянской: в своем отзыве на книгу М. Ремизова она характеризует автора как «самого яркого, самого талантливого из новых интеллектуалов, выстраивающих оппозицию к либерализму, а заодно и гуманитарному „морализму“ любых оттенков – в форме просвещенной версии фашизма». Оказывается, есть и такая. И о ней такой (версии фашизма) И. Роднянская говорит более чем либерально, бестрепетно уводя ее (версию фашизма) на академические высоты: «Говоря о доктринальном фашизме, очень прошу понимать это не как бранное словосочетание, увязываемое нашей пропагандой (? – Н. И.) с гитлеровской практикой (! – Н. И.), а как обозначение вполне академической политической философии (Эвола, Джентиле)». М. Ремизов, как следует дальше, «перешагивает через табу „универсалистских абстракций“». Ценою реабилитации «просвещенной версии фашизма» становится низвержение И. Роднянской (вслед за автором рецензируемой книги) «пустопорожней процедурности и формализованности» понятий либерализма.

⁴² Соколов М. Чуден Рейн при тихой погоде: Поэтические воззрения россиян на историю. М., 2003.

⁴³ Витухновская А. // Последние пионеры. М., 2003.

⁴⁴ Лимонов Э. Опера и балет // Там же. С. 165.

⁴⁵ Лимонов Э. Дикая девочка // Там же. С. 161.

Антилиберальный проект в отличие от размытого, до конца не отрефлектированного либерализма существует в формах массовой культуры, пользуется массовым спросом. Массовым спросом пользуется антидемократизм, моральная извращенность, ксенофобия – в масслитературе. Фашизированная литература отражает целый комплекс массовых представлений.

В этой ситуации *идеологическое* противостояние антилиберализму (что подчеркивается на семинарах и «круглых столах»), который упрощает и уничтожает либеральное пространство, подменяет либеральные свободы, – разумно.

Однако это самостоятельный выбор каждого. Отсечение экстремизма для литературы чревато утратой энергии, смешивающей «радикальные» краски, – говорилось и об этом. Сочетать свободу личности и творчества с противостоянием «бесчеловечному свободному посланию, унижающему и уничтожающему свободу наряду с унижением и уничтожением других ценностей» (Андрей Дмитриев), – задача писателя, который заявляет себя либералом в нынешнем историческом моменте. Размежевание должно быть внятным.

Дискуссия развернулась вокруг *гражданской войны* в литературе, хотя разоружилась (в силу собственного либерализма) только одна сторона. Однако литература идейно бесконфликтная сегодня невозможна – расколото на «либералов» и «антилибералов» само общество, требующее от литературы адекватного отношения (или оставляющего литературу вне своих интересов).

Отсюда – еще одна важная тема.

Существует ли единое литературное поле? И если да, то как его описать? А разве едина – сама литература? Она «поле брани» антилибералов с либералами – или поле плодоносящей словесности?

Обсуждение этих насущных для литературы в целом вопросов с неизбежностью приводит к обсуждению роли и влияния литературной критики как одного из важнейших инструментов литературной мысли. В этом семинаре ситуационный анализ проводили Андрей Василевский, Борис Дубин, Игорь Захаров, Глеб Морев, Абрам Рейтблат, Михаил Эдельштейн, Евгений Сабуров.

Литературная критика, как утверждалось, сегодня не перегружает себя амбициозными интеллектуальными заданиями (а гражданскими – тем более). Она может анализировать разные типы и уровни «литератур» – и полемизировать вокруг своего предмета. Но литература как «потребление» имеет своего рекламиста, а литература как канон имеет своего популяризатора. Зачем – критика? Она работает с разными типами литератур как с фактами культуры, с тем, что там скрыто, а не распахнуто взору; с тем, о чем умалчивается за громкими словами (Б. Дубин). Размежевание в литературной критике, считает Г. Морев, происходит по формату, а не по идеологическому принципу. Но это – размежевание, значит, каждый критик работает в своем формате, полемика сама собой исключается. А критика без полемики умирует, критика возникает только на оппонировании (А. Рейтблат). Если же критики разумно распределяют себя по делянкам (условную Маринину не читаю, потому что мой профессиональный интерес лежит в толстожурнальной прозе), то пропадает целостность взгляда. То есть получается, что критик, *выбирая* себе литературу, исключает существование ее «поля». Но и «объять необъятное» (а в литературе сегодня явное перепроизводство текстов) тоже невозможно.

Важнее всего, чтобы критика в целом, как часть функционирующей литературной системы, не производила *ухудшающего отбора*⁴⁶. Иначе книгоиздатель вправе заявить – и как профессионал, и как обыкновенный читатель: «Литературная критика потеряна для меня» (Игорь Захаров).

⁴⁶ Долгин А. Плацебо-эффект в литературе // Критическая масса. 2004. № 2. С. 41.

Для того чтобы представить целый спектр мнений и соображений по выдвинутым и возникшим в результате обсуждения проблемам, мы обратились к нескольким десяткам действующих литераторов – и, благодаря их за активное участие, публикуем заинтересованные, неординарные ответы.

На заключительном этапе работы Фондом «Либеральная миссия» была проведена большая дискуссия о состоянии литературы «Между либеральной идеей и антилиберальным проектом».

Несмотря на то что прозвучавшие в рамках дискуссии мнения, выступления в «сита-нах», ответы на вопросы анкеты принадлежат литераторам и общественным деятелям, по большей части придерживающимся либеральных воззрений, их голоса разнообразны и довольно часто *не согласны* друг с другом. Было жаль терять это темпераментное разногласие – и потому оно представлено в книге во всем многообразии. Думаю, что это существенно поколеблет миф о либерализме и либералах в литературе как о скучном и вялом явлении.

I

Либература и радикалы: спор, атака, агрессия

1. Кризис либеральных идей или поиск альтернативы?

Наталья Иванова: *«Атаки на либеральный проект достаточно сильны, и возможно, кризис либеральных идей в литературе действительно имеет место».*

Проект «Либерализм: взгляд из литературы» был начат Фондом «Либеральная миссия» в ответ на ту литературную и культурно-идеологическую ситуацию, в которой мы оказались в последнее время. Недавно на радиостанции «Свобода» один из членов жюри премии Андрея Белого в Санкт-Петербурге выразил радость по поводу того, что в прошлом году премию присудили Эдуарду Лимонову за «Книгу мертвых». Не хочу сравнивать членов жюри с Саввой Морозовым, но тем не менее получается, что люди, развивающие крупные литературные проекты, поддерживают леворадикальное направление, например присуждая эту премию.

Получается, что ту оппозицию, которая существовала прежде в нашей жизни и литературе, ту идеологическую дихотомию, которая формировала перестроечное время, т. е. оппозицию между либералами и неопатриотами или ультрапатриотами, сейчас сменила совершенно новая оппозиция, пришедшая со стороны радикальных флангов: леворадикального и праворадикального. И это также оппозиция по отношению к либерализму.

Спорщики давно уравнились в неправоте, и вместо старых дискуссий о почвенничестве и западничестве, о демократизме, либерализме и консерватизме приходится вести новую. Эта новая дискуссия идет очень активно. Слово «либерал» и производные от него становятся, если еще не стали, ругательными в литературном кругу. Если человек позиционирует себя как либерал, а свои убеждения как либеральные – он вызывает недоброжелательную реакцию.

Все мы помним вторую редакцию газеты «Консерватор», которая явилась одновременно энергичным органом леворадикального и праворадикального толка. Как мне кажется, эта проблема достаточно актуальна и нуждается в осмыслении, которое уже начато на страницах периодической печати. Но пока нет четкого и ответственного понимания, почему и откуда пошли атаки на сам либеральный проект в русской литературе.

Более того, возникает вопрос: существует ли вообще этот либеральный проект? И если да, то когда он начался, что с ним происходило? Атаки на либеральный проект, на мой взгляд, достаточно сильны, и возможно, кризис либеральных идей в литературе действительно имеет место. Либералом быть сегодня немодно. Это не скандально, это не эпатирует, как «марксизм» директора издательства Ad Marginem Александра Иванова, «черносотенство» публициста Дмитрия Ольшанского, «фашизм» Михаила Трофименкова. Может быть, здесь еще и поколенческая реакция на либеральную идею старшего поколения и разочарование в ее именно литературных результатах? Все эти вопросы и подвигли меня на то, чтобы первый ситуационный анализ в рамках нашей дискуссии посвятить проблемам, связанным с либерализмом и антилиберализмом в литературе.

Для начала дискуссии я хочу процитировать Александра Ципко. В своей статье в «Литературной газете» (2003. № 14) он написал, упомянув присутствующего здесь вице-президента Фонда «Либеральная миссия»: «Наша полемика с Игорем Клямкиным в конце 1980-х – начале 1990-х годов по поводу истоков сталинизма как раз и была началом диалога

между возрождающимися тогда „либералами-националистами“ и зарождающимися „либералами-западниками“. Уже сформировались органы печати антилиберальной направленности. Кроме «Консерватора», к ним можно причислить «Литературную газету», «День литературы», отчасти «НГ-Ex libris». Эта проблематика обсуждается и на страницах «Знамени», и в сетевом «Русском журнале». Собственно, все вышеназванные проблемы и составляют первый вопрос нашего обсуждения.

Сергей Чупринин: *«Кризис либеральных идей в сегодняшней России связан с их неотрефлексированностью».*

Несколько месяцев назад журнал «Знамя» решил принять посильное участие в предвыборной кампании. Возник замысел обратиться к идеологам крупных партий и движений и попросить их ответить: какова же все-таки политика их партий в области литературы и искусства? Какие законодательные предложения, какие культурные инициативы та или иная партия будет поддерживать в стенах Государственной думы, а какие, наоборот, блокировать?

Для нас было важно услышать как об отношении крупных партий и движений к цензуре, проблеме реституции, квотированию западной продукции в отечественном кинопрокате, видеобизнесе, на телевидении, в книгоиздании, так и об их отношении к новым, может быть пока еще непроработанным, идеям, например к замыслу обложить издание классики своего рода культурной рентой. В самом деле, ведь ни Пушкину, ни Диккенсу, ни их наследникам книгопроизводители ничего не платят. Почему бы из этих гипотетических гонораров не делать отчисления, которые, аккумулируясь, шли бы затем на поддержку современной литературы, современных писателей? И какую литературу, каких писателей таким образом поддерживать?

Увы, ничего из нашей затеи не вышло. Готовность внятно изложить свою точку зрения проявила только Коммунистическая партия Российской Федерации. У них есть убеждения, есть эстетические предпочтения и есть некоторая отрефлексированная культурная стратегия. Другим политикам, как выяснилось, сказать было решительно нечего. Явлинский отделался пустой фразой: «Надо на культуру больше денег давать, вот и вся политика». Руководители СПС и этого не сказали, пребывая в непонятной убежденности, что писатели, художники, музейщики, вообще работники культуры и так их поддерживают.

Выборы показали, что не поддерживают. Хотя бы потому, что, называя себя консерваторами, свои эстетические симпатии наши правые не раз и не два наглядно связывали отнюдь не с традицией, не с культурной нормой, а, напротив, с инновациями, с радикальными, авангардными или постмодернистскими проектами и персонами. Или хотя бы потому, что почувствовать разницу в предпочтениях Явлинского и Хакамады невозможно. А она должна чувствоваться, ибо речь идет не о частных вкусах, а о культурных стратегиях.

Поэтому мне и кажется, что одна из причин, вызвавших кризис либеральных идей в сегодняшней России, связана с их неотрефлексированностью, с тем, что никто или почти никто из нас не взял на себя труд внятно объяснить, что такое либерализм сегодня. Не по Милюкову и не по Хайеку – тут-то как раз кое-какой, хотя и недостаточный, материал накоплен, – а по состоянию на 2003 год, применительно к нашей жизни. Либеральный проект в российской словесности, вне всякого сомнения, реализуется уже второе десятилетие, но до сих пор не очень понятно, каков его вектор, где его границы и конфликтные точки. Написано очень малое и явно недостаточное количество сочинений наших литераторов, литературных критиков и литературных политиков, специально посвященных этим вопросам. Выходит, что и мы относимся к либеральному проекту примерно так же, как Явлинский.

«Пусть расцветает сто цветов», – говорит уважаемый либерал и полагает, что он сказал достаточно. Следующее звено рассуждений опущено. Поэтому для многих либерализм в литературе – это либо всеядность, отсутствие ясной вкусовой позиции, либо постмодернизм.

А ведь постмодернизм – допустимый, но отнюдь не единственный из изводов либерального миропонимания. Так давайте скажем об этом. И скажем не только самим себе, но и публике.

Фондом «Либеральная миссия» издана книга «Либеральные реформы и культура». При том что подавляющее большинство изданий в стране так или иначе контролируется либерально ориентированными журналистами, пишут они о чем угодно, но только не о таких книгах, только не о том, что составляет существо их воззрений на жизнь и на литературу. Поэтому говорить о кризисе либеральных идей, мне кажется, преждевременно. Просто потому, что они – как свод идей – еще не были представлены российскому обществу.

Наталья Иванова:

В чем, по-вашему, причина давления на либеральные ценности в современной словесности?

Сергей Чупринин:

Мне кажется, я назвал одну из причин. Полная аморфность либералов, а часто и капитуляция – вместо ясного, энергичного, может быть, даже агрессивного предъявления символа своей веры. Отечественным либералам нужно брать пример с радикалов: их не так много, даже в новом поколении, но они атакуют и соответственно выглядят более убедительными, более живыми.

Алла Латынина:

«Сегодня идея свободы попадает в число обветшавших догм».

Я не согласна с Сергеем Чуприниным в том, что либеральные идеи не были представлены в России. Либерализм не может быть идеологией. Но именно либерализм был господствующим умонастроением оппозиционного интеллигентского сообщества в условиях коммунистического режима. Идея свободы в условиях полицейского государства казалась самой важной и универсальной.

Сергей Иванович удивляется словам Явлинского. Но мы сами говорили то же самое. Вспомним публицистику конца 1980-х годов, ее основной пафос: пусть уйдут партия и государство, сгинут идеологические надсмотрщики, и тогда культура расцветет. Либеральный проект казался очень заманчивым и радужным, пока он был проектом. Журнальный, по преимуществу – публикаторский, бум конца 1980-х годов – момент успешного осуществления этого проекта. Когда ушло начальство, появилась цветущая литература. Никто не думал о предстоящих экономических проблемах.

Дальше начался печальный, но вполне предсказуемый процесс. Выяснилось, что ценности свободы в широких массах совсем не котируются и без справедливости она мало кому нужна. А справедливости либерализм не обещал. Ответственность за все негативные последствия реформ свалили на либералов, либерализм стал проигрывать по всем направлениям, потому что активно обороняться, не перестав быть либерализмом, он не может. В литературе либерализм также вышел из моды – причина тут и в поколенческом противостоянии. Защита ценностей свободы стала восприниматься как нечто старомодное и пресное. Либерализм вообще дает к этому основания. Есть остроумное рассуждение Василия Розанова о том, что в либерализме существуют некоторые удобства, без которых «трет плечо». В либеральной школе лучше учат, либерал лучше издаст «Войну и мир», но либерал никогда не напишет «Войны и мира». Либерал – он «к услугам», но он – не душа. А душа – это энтузиазм, вера, безумие, огонь, заключает Розанов.

Действительно, ни Толстой, ни Достоевский, ни Чехов либералами не были. Сегодня многим либеральные ценности кажутся пресными, а энтузиазм, вера, огонь снова в цене, даже если они отмечены безумием. Я не представляю себе, чтобы десятилетие назад за роман

Проханова «Господин Гексоген» проголосовали люди типа Хакамады и Прохоровой, входившие в жюри премии «Национальный бестселлер». Сейчас же как позитивное качество романа как раз и называют его страстность, огонь. Что именно готов сжечь огонь – об этом не задумываются.

Показательна также кампания в защиту Эдуарда Лимонова. В прессе, которая считает себя либеральной, шли разговоры о том, что он политический узник, но попытки привлечь внимание к политической утопии Лимонова «Другая Россия» никакого успеха не имели. Книга совершенно легально печаталась; она рисует такие картины будущего, рядом с которыми Освенцим показался бы домом отдыха. В ней проповедуется культ «всеочищающего насилия», которое должно освободить планету от нынешней цивилизации и лишнего населения. Это не художественная литература, это именно проект для будущего Пол Пота, надеюсь, неосуществимый.

Прошли времена, когда политическая позиция Белова или Распутина делала их маргиналами в литературном сообществе. Фашистские проповеди Лимонова ничуть не шокируют жюри премии Андрея Белого, недавно воспринимавшейся как премия, главным основанием для которой считалась свобода художника от стесняющих догм. Теперь и сама идея свободы попадает в число обветшавших догм. А всякого рода радикализм, напротив, кажется притягательным.

Либерализм в России не сумел создать выраженную систему ценностей. Я думаю, это связано с тем, что либерализм не имеет в нашей стране традиций. Либеральные свободы ведут начало от аристократических привилегий, завоеванных Великой хартией вольности, а не от мощного напора демоса, который временами у нас возникал. Сейчас и этот напор ослаб. Идея свободы во всех ее проявлениях терпит поражение, и не только из-за давления сверху. Единственное, на что остается надеяться: рано или поздно она все же окажется востребованной.

Наталья Иванова:

Кто виноват в том, что либерализм не был проявлен, что система либеральных ценностей недостаточно четко отрефлектирована, в том числе в публицистике, в литературной критике, в культурологии, – ведь все сидящие здесь так или иначе выступают в средствах массовой информации? Это к вопросу об ответственности и о путях преодоления создавшегося кризиса.

Здесь уже прозвучало, что либеральная идея несвойственна массовой культуре. Я позволю себе в этом усомниться. Идея, месседж массовой литературы, телесериалов – это пропаганда определенной системы ценностей, чтобы люди, которые еще не вписались в современную ситуацию, могли так или иначе усвоить какие-то модели. Это отдельная проблема, но поскольку она была затронута, попрошу кого-то из выступающих обратить на нее внимание.

Алла Латынина:

Либералы – это мы. Я считаю себя либералом. Это не мешает мне считать, что идеология либерализма терпит поражение.

Наталья Иванова:

В конце 1980-х – начале 1990-х годов и Алла Николаевна, и другие критики употребляли в своих статьях выражение «либеральный террор». Либеральный террор – это террор либералов, которые преследуют тех, кто не исповедует систему либеральных ценностей. На протяжении всех 1990-х годов я видела, что либерального террора как такового нет. Очень показательны в этом смысле 1991 и 1993 годы. После того, что произошло, не было пресле-

дования коммунистической партии, не было запрета на профессии, не была пересмотрена коммунистическая идеология, не произошла декоммунизация страны. А нынешнее смешение стилей, когда Проханова поддерживают бывшие либералы, выглядит очень пошло.

Лев Рубинштейн:

«Многие из критиков либерализма имеют в виду не собственно либерализм, а, как ни странно, ведущую государственную идеологию».

Мне кажется, что проблема не в том, сформулированы либеральные ценности или нет, а в том, насколько они укоренены в общественном сознании. С одной стороны, они укоренены недостаточно для того, чтобы некоторые радикальные проекты в культуре были вполне безопасны, как на Западе; но с другой – укоренены настолько, чтобы уже восприниматься частью культурного сообщества как мейнстрим, от которого необходимо дистанцироваться. Думаю, многие из критиков либерализма имеют в виду не собственно либерализм. Они имеют в виду, как ни странно, ведущую государственную идеологию.

Сейчас мы говорим в основном о литературе. Я полагаю, что радикальные проекты в рамках культурного функционирования не только неизбежны, но и необходимы, иначе и не будет никакой культуры. Мы все считаем себя либералами. Но при этом существуют два «крыла» – праволиберальное и леволиберальное. И если сторонники правого крыла либерализма, т. е. собственно либералы, совершенно справедливо понимают культуру как иерархическую систему, то приверженцы левоориентированного либерализма, по-моему, не менее справедливо понимают жизнь культуры как постоянное потрясение и пересмотр иерархий. Мне кажется, что нынешние борцы с либерализмом, во всяком случае многие из них, как это ни покажется странным, тоже носители либерального сознания.

Но то, что это происходит в рамках именно литературного процесса, представляется мне не вполне безопасным хотя бы потому, что литература в нашей стране по-прежнему легко отчуждается в идеологию и перестает быть видом по преимуществу искусства. В силу нашей исторически сложившейся литературоцентричности писатель для многих по-прежнему является носителем неких экстралитературных идей. В других видах искусства, например в современном изобразительном искусстве, гораздо более связанном с интернациональным контекстом, чем литература, радикальные действия скорее полезны, нежели вредны. В русской литературе, к сожалению, это не так. Хотя опять же подходить надо индивидуально. Потому что упомянутые здесь Бренер и Проханов – это не одно и то же, как и Лимонов и Сорокин. Хотя, к сожалению, сейчас с легкой руки Александра Иванова Сорокин вписался в несколько сомнительный ряд и, кажется, не ропщет на свое положение.

Наталья Иванова:

Возможно, это происходит оттого, что в либеральном проекте 1990-х участвовали те же, кто и в либеральном проекте советского периода. Оттого, что в нелиберальном проекте советской литературы было либеральное крыло, представители которого перешли в исторически новый либеральный проект, и, как сказал Лев Рубинштейн, они здесь вполне уместны. Может быть, агрессия нарастает потому, что мы пытаемся решить идеологические противоречия путем атаки на творческую деятельность, как это произошло с Татьяной Толстой, отказавшейся от председательства в совете газеты «Консерватор» второй редакции. Сокращение территории влияния либеральных идей происходит за счет того, что очень многие либеральные писатели исчерпывают свою креативность на наших глазах.

Андрей Дмитриев:

«Антилиберальный проект пользуется серьезным массовым спросом».

У представителей антилиберального проекта есть одна особенность – все они ориентированы на максимально широкий потребительский спрос на свои произведения и иные публичные высказывания. Представить себе какого-нибудь радикального антилиберала, который пишет для узкого круга посвященных, довольно трудно. Поэтому я предполагаю, что антилиберальный проект пользуется серьезным массовым спросом. Особенно на него рассчитывают молодые литераторы-антилибералы. И здесь дело не только в коммерции. Молодому человеку, еще несамодостаточному и не слишком уверенному в себе, естественно бежать от одиночества, стараться не оказаться на обочине потока, а по возможности – этот поток оседлать и возглавить. Вопрос в том, каков этот поток, этот спрос.

Здесь говорилось, что у нас нет гражданского общества и мы никак не можем его сформировать. Я считаю, что оно у нас уже сложилось, если под гражданским обществом подразумевать не круг людей, которые пишут друг для друга и читают друг друга, а общество, в котором каким-то образом представлены интересы всех слоев населения. Ведь что такое гражданское общество? Это некая сумма разрозненных в обыденной жизни граждан страны, имеющих свое, не обывательское, но именно гражданское представление о том, какой должна быть страна, и готовых в кризисный момент объединиться, чтобы реализовать эти представления. Такое гражданское общество в России уже есть, и достаточно фашизированное. Оно и предъявляет литераторам свои ожидания, т. е. свой спрос.

Меня удивила реплика Натальи Ивановой о массовой литературе. Адресую вас к двум статьям; одна из них – статья Дубина об историческом и историософском романе в массовой литературе, в свое время опубликованная в «Знамени» (2002. № 4), а другая – шокировавшая меня статья Иваницких «Masslit» в журнале «Дружба народов» (2003. № 10). Она посвящена нынешней массовой беллетристике и пересказывает немало ходовых сюжетов.

Массовая литература отличается чудовищным антилиберализмом, антидемократизмом, ксенофобией, моральной извращенностью, которые не снились даже Проханову с Лимоновым. Главный герой массовой литературы – это патриот-гебист, который насилует собственных дочерей, но зато с исключительной сексуальной силой, и при этом остается положительным героем, поскольку направо и налево убивает инородцев, депутатов и демократов. Подобная продукция издается огромными тиражами. Это абсолютно фашизированная литература, которая отражает спрос и соответственно сложившийся в массах комплекс гражданских представлений.

Какова в этой ситуации наша вина? Обозначенная мною фашизированность связана с реальным положением дел в стране, с бедностью и моральной уязвленностью населения, и здесь не все на нашей совести. Наша же ошибка в том, что, заявив о либерализме и о либеральных ценностях, мы сразу же исключили из этой системы ценностей идею свободы. Свобода – ценность абсолютная. Ее, как и прочие абсолютные ценности, можно рассматривать отдельно, саму по себе. Но если мы в общественной практике изымаем свободу из контекста прочих ценностей (будь то любовь, правда, добро, родина, культура, милосердие и т. д.) и во имя свободы позволяем всем кому не лень свободно над ними глумиться и свободно их попираť, то свобода в глазах миллионов людей меняет свой облик и, объективно оставаясь ценностью, становится для них неким символом зла.

Борясь за свободу, мы почти сняли с себя ответственность за сохранение иных, вроде бы обусловленных свободой, ценностей. Поэтому либеральный проект реализовывался так, чтобы, образно говоря, цвели все цветы, в том числе и ядовитые, лишь бы они цвели свободно. Я, конечно, огрубляю и упрощаю ситуацию, но вы проследите, как она развивалась.

Второе, в чем мы, безусловно, повинны, – это сдача позиций на вербальном уровне. Еще год назад чиновники и политики в который раз инициировали разговор о засоренности (их терминология) русского языка иностранными словами. Это было по преимуществу глупо, не рассматривался единственно важный в данном случае аспект. Дело в том, что

замена некоторых русских слов иностранными имеет целью изымание значений этих слов из исторически сложившегося оценочного контекста. К примеру, когда мы говорим «убийца», этого достаточно, наше отношение к человеку, которого мы так называем, проявлено в самом слове, и, чтобы изменить сложившееся отношение, нужны дополнительные слова (скажем, «несчастный убийца» или «убийца поневоле»). А что обозначает слово «киллер»? Просто профессия, одна из многих.

И это имеет прямое отношение к нашему сегодняшнему разговору. Я не думаю, что слова «свобода», «поборник свободы», «борец за свободу» легко в открытую высмеять, спародировать, не так-то просто над ними глумиться: слишком силен их положительный, исторически сложившийся заряд. Слишком высока их традиционная оценка. Надо обладать достаточной смелостью, чтобы заявить: «Я ненавижу свободу, я не желаю России свободы».

Со словом же «либерал» легко можно делать все что угодно. И заявить о том, что «либеральный проект» – это «вражеский заговор», можно легко, без внутреннего усилия. Довольно сложно вслух отрицательно отозваться о народовластии, но глумиться над словом «демократия» – просто. Сегодня в массовом сознании, включая сознание немалой части интеллигенции, понятия «либерализм» и «свобода», «демократия» и «власть народа», «построение свободной страны» и «либеральный проект» – при всей, казалось бы, очевидной для нас синонимичности – разошлись слишком далеко.

Наталья Иванова:

Хочу сказать по поводу массовой литературы. У нас вроде бы принята западная модель массовой литературы, вся ее жанровая палитра у нас присутствует, но тем не менее, действительно, в этом же спектре у нас присутствует комплекс антилиберальных идей. В западной массовой литературе, насколько мне известно, торжествует либеральная политкорректность.

Андрей Немзер:

«С одной стороны, либерализм изруган и старательно удушается, а с другой – остается тем воздухом, которым все дышат, тем пространством, в котором все обретаются, тем сводом правил, по которым идет игра».

Очень многое из того, что было сказано, сказано точно. В то же время хотелось бы сместить некоторые акценты. Мне кажется приблизительной, упрощающей формулировка о роковой предназначенности России тоталитаризму и невозможности в отечестве демократии и либерализма. У нас постоянно расплывается само понятие либерализма. Разумеется, в узком смысле ни Толстой, ни Достоевский, ни Чехов либералами не были. Но Достоевский считал день 19 февраля 1861 года святым. Отмена крепостного права и вступление России на путь реформ мыслились им как великое дело – завершение «петербургского» периода русской истории. Соображения Достоевского о «русском социализме» были весьма далеки от того, что зовется социализмом. А идея свободы – постоянная и любимая идея Достоевского. Что, увы, не мешало ему грезить о Константинополе.

С Толстым ситуация тоже сложная. Ему случалось скептически (даже ядовито) высказываться о либеральном порыве рубежа 1850–1860-х годов («Два гусара», зачин «Декабристов»; конечно, это отрицание сыграло свою роль в формировании «Войны и мира»). Но заметим: случилось это не тогда, когда он приехал из Севастополя, а несколько позже. Тут был характерный жест разрыва с тем, что поначалу принималось. Но и позднее разговор шел на том же языке.

Чехова, как теперь Маканина, раздражала «вымытость» либерализма, раздражал либерализм, ставший системой общих мест. Но ни веры в свободного человека, ни мечты об одолении дикости он не терял. Чехов, конечно, критик интеллигенции, но и наши лучшие представления об интеллигенции также связаны с Чеховым. А уж как далек он был и от

консервативного утопизма, и от оголтелого народолюбия, и от социалистических химер, кажется, и объяснять не надо.

К чему я занялся «уточнениями»? К тому, что во второй половине XIX века в России существовала свобода мысли, а уважение к личности и ее свободе были незамечаемой нормой. Потому здесь и смогла осуществиться великая литература, способствующая, со своей стороны, воспитанию личностного достоинства и «окультуриванию» социума.

Сколько бы ни говорили о «проклятой империи» и «царских жандармах», Россия была страной относительно свободной. Публичных дискуссий, резкой критики общественного уклада здесь было больше чем достаточно. Мы знаем, к чему это привело, но не должны забывать и о ценном ядре тогдашней социокультурной ситуации. Аналогии всегда хромают, но странно было бы их вовсе не замечать. Сейчас, как и век с лишним назад, либерализм, с одной стороны, изруган и старательно удушается, а с другой – остается тем воздухом, которым все дышат, тем пространством, в котором все обретаются, тем сводом правил, по которым идет игра.

«Экстремальные» издатели, публицисты, изобретатели опасных забав вроде премии «Национальный бестселлер» живут и действуют абсолютно по правилам свободного общества. При этом они говорят о конкуренции идей, о недостатке толерантности и о постоянном либеральном терроре. Поэтому мне кажется чрезвычайно важным то, о чем говорил Лев Рубинштейн. Либерализм как «среда обитания» принимается всеми: черносотенцами, коммунистами, левыми радикалами. Либерализм как система ценностей (безусловно, подразумевающая ответственность и элементы консерватизма) сперва окарικатурируется, а затем решительно отвергается. Его защитники объявляются «закосневшими», якобы навязывающими под видом свободы нечто мертвое и дурное. С одной стороны, здесь есть элемент идеологии, а с другой – четкий расчет на дискредитацию конкретных лиц и институций, конкурентная борьба, внешне вполне «демократическая». Я не могу согласиться с Натальей Ивановой по поводу якобы имеющего место раздражения на «либеральных» писателей и критиков позднесоветских времен. Критиков либерализма не волнуют Гранин с Оскоцким.

До определенного момента, по разным соображениям, все мы исходим из концепции, что сопротивляться нехорошо. У каждого есть право голоса. Если мы приверженцы либеральных ценностей, то пусть непременно расцветают сто цветов. Я этой позиции никогда не принимал. Писатель имеет право писать сочинение любого сорта и рода, но и я, литературный критик, имею право сказать, что это сочинение богомерзкое. И почему моя свобода литературного критика меньше, чем свобода сочинителя? Тезис «не должно быть идеологии» есть тезис насквозь идеологический. Почему в условиях свободы я должен отказываться от своих убеждений и маскировать их? Как происходил переход от крайней деидеологизации к крайней идеологизации, мы очень хорошо видели на примере Вячеслава Курицына, пару лет назад объявившего антиамериканизм насущной задачей.

Подсознательно все эти годы мы верили, что, так или иначе, все обойдется. Отчасти и поэтому мы имеем сегодня такой результат. И это касается не только литературы. Вспомните, сколько раз самые достойные лидеры либеральных сил свято уверяли нас, что «вопрос решен». Оказалось – нет. Не знаю, сколь продуктивен в экономике «принцип свободного движения», но в идеологии и культуре он не работает. Здесь он непродуктивен и, если угодно, антилиберален.

То, что есть молодые, которым хочется свободы и простора, – это совершенно нормально, они есть всегда. Но не всегда (хотя случается такое не только здесь и теперь) они используются идеологами и политиками крайних толков. По-моему, это следствие невероятного сумбура как в наших головах, так и в головах энергично наступающей креативной массы. Если бы все сводилось к тактической демагогии, было бы не так грустно. И невежество, и грубость можно перенести. Но когда все это соединяется с крайней безответствен-

ностью, становится плохо. Мы сами своей снисходительностью пестовали безответственность. Стало дурным тоном адекватно реагировать на хамство и ложь. А это, в свою очередь, стимулирует агрессию.

Наталья Иванова:

Недавно Анатолий Чубайс, соединив два противоречащих друг другу слова, произнес словосочетание «либеральная империя». Употребить эпитет «либеральная» по отношению к империи – значит отчасти погубить либеральный проект. Потому что слово «империя» принадлежит совершенно другому ряду, который ближе всего к людям типа Станислава Куняева. Это вроде бы не влияет никак на литературу, но это влияет на строй мыслей людей, которые тяготеют к одному или другому комплексу идей.

Я считаю, что нет кризиса либеральных идей, а есть кризис их презентации, позиционирования и осмысления в современной литературе и в современной жизни.

От либерализма отходят многие люди, среди них некоторые культурологи, политики, эссеисты. Они уходят в сторону неоконсерватизма. А со стороны неоконсервативного направления мысли к либерализму никто не приближается. Очень мощной фигурой здесь был и продолжает оставаться Александр Солженицын. Мы сегодня не упоминали ни его, ни комплекс его идей. Однако насколько это значимо по отношению к проблематике, которую мы сегодня обсуждаем? Если мы просто обратим внимание на премию Солженицына, то увидим и либералов. Это Инна Лиснянская, например, Ольга Седакова, Владимир Топоров. Нелиберал совершенно не значит черносотенец. Тем не менее: существует размежевание или нет? Если да, то как оно оформляется в литературе?

Андрей Немзер:

Меня не раз упрекали за приверженность «тоталитаризму». Происходило это не случайно. Я никогда не считал воинствующий атеизм, небрежение культурной традицией, игнорирование национальной проблематики, плюрализм ради плюрализма (а не ради поиска истины), «рыночный детерминизм» в сфере культуры, «антиидеологизм» (т. е. идеологию особого сорта, к тому же – лицемерную) составляющими частями либерализма. О том, что эти тенденции неприятны и опасны, я говорил вполне отчетливо, подчас вызывая неприязнь у достойных и уважаемых мною людей.

Мне нравится старая формула: правее нас может быть только стена. Она означает не бессмысленное устремление вправо, а выработку стратегии, при которой ультраправые не могут занимать какого бы то ни было места в политическом, идеологическом и культурном спектре. Все ценное и значимое, что содержится в правой идее, должно присутствовать в либерализме. Решение серьезных проблем нельзя отдавать маргиналам и экстремистам.

Ровно то же самое я должен сказать про левый либерализм, мне лично не близкий. Он должен строиться по тому же принципу: левее нас может быть только стена. Как идею национального достоинства, так и идею социальной справедливости нельзя отдавать на откуп тем, кто в принципе не способен думать о чем-либо, кроме сиюминутных выигрышей, кто готов ради своих целей на любую демагогию. Мы очень долго это делали. Как те, кто находится на левом фланге, так и те, кто находится на правом фланге.

Совершенно не случайно в 1990-е годы был пафос деидеологизации, пафос так называемого центризма, воплощающего бесхребетность и отказ от последовательной мысли, от ценностных критериев. Господствовала идея толерантности и тех самых ста цветов, а всякая попытка указать, что цветут они разным цветом, воспринималась как желание эти цветы выдернуть. Господствовала мысль о всеобщей взаимной полезности. Это извращенное представление губит то культурное поле, в котором мы пребываем. Поле, в котором невозможно и не нужно обходиться без полемики и размежевания. Нужны и правые, и левые, но нельзя

сразу быть и правым, и левым. Иначе получается та аморфная масса «либерализма вообще», на фоне которой выигрышно выглядят экстремисты.

А вот у них, у экстремистов, происходит совершенно удивительное (для тех, кто верен духу интеллектуальной честности, для тех, кто знает цену словам!) смешение «застенного» правого с «застенным» левым. В их среде, кроме тактических союзов, есть и готовность к кровавым идеологическим синтезам. Поэтому отвечаю на вопрос прямо. Я готов принять на себя функцию неоконсерватора, а «консервировать» я собираюсь (да и занимаюсь этим двенадцать последних лет) ту великую культурную традицию, которой жива Россия, неотъемлемая часть христианской цивилизации. Я «консервирую» те фундаментальные ценности, без которых, с моей точки зрения, культура перестает быть культурой, человек – человеком. Мне необходимы оппоненты, но я не могу и не хочу воспринимать в качестве оппонента того, кто находится «за стеной». Нам нужен конструктивный спор внутри и нужно четкое человеческое неприятие того, что «за стеной».

Стоит только начать говорить о конкретных именах, выяснится, что мы по-разному смотрим на конкретные стратегии. С моей точки зрения, сочинения Владимира Сорокина находятся за пределами культуры и его культ – страшная тенденция. Я готов дискутировать на эту тему и слушать контраргументы. Я считаю, что Сорокин – это на нынешнем этапе глубоко антилиберальное образование. И дело не в том, что его публикует тот же издатель, что и Проханова, это вторично. Я считаю, что тот посыл, которым он руководствуется, ведет к вытаскиванию традиций, а для меня вытаскивание традиций есть вытаскивание свободы. Я же так себя и позиционировал: я охранитель.

Хочу подчеркнуть, что движение «Идущие вместе» мне еще неприятнее, чем Владимир Сорокин. Потому что это то самое «застенное», что перехватывает и опошляет мои ценности, представляет их в чудовищном, антикультурном и антилиберальном духе и меня дискредитирует. А с Сорокиным пусть разбираются те, кто на левом фланге.

Наталья Иванова:

Когда издательство Ad Marginem стало раскручивать Проханова, редакции газеты «День литературы» ничего не оставалось (в ответ на попытку движения «Идущие вместе» дискредитировать Сорокина), как позиционировать себя в качестве его охранителей. В этот момент произошла новая структуризация литературно-идеологического пространства.

Сергей Чупринин тут говорил, что литературной и культурной политики партий не существует. Я же хочу привести слова господина Суркова, который сказал буквально следующее: «Нынешняя установка власти направлена на очищение литературного и культурного развития от всяческих проявлений экстремизма».

Лев Рубинштейн:

Я не знаю, что опаснее: наличие экстремизма с той или с другой стороны или, условно говоря, попытки контроля со стороны администрации. Кто будет определять, что такое экстремизм? Это вопрос конвенции. Мы часто видимся, но почему-то редко говорим на серьезные темы. В рамках цивилизованного разговора чрезвычайно важны некие установленные в процессе диалога понятийные конвенции.

Андрей Немзер:

Когда я писал о тех литераторах, которые, с моей точки зрения, сеют неразумное, недоброе, невечное, мне казалось, что я нахожусь в рамках приличий. Я не призывал заводить уголовные дела. Я не считаю разумным введение цензуры, полицейские преследования. Но идеологическое противостояние считаю возможным, разумным и необходимым. Если кто-то из этого сделает неадекватные выводы, значит, я плохо выразил свою мысль. То же

самое относится к иной стороне. Я убежден, что восторги от текстов Сорокина связаны не только с «формой» (довольно однообразной) его опусов, но и с его идеологической доктриной, с теми взглядами на человека, историю, общество и культуру, которые он последовательно предлагает в своих сочинениях.

Наталья Иванова:

Сорокин пользуется успехом не только у фашизированной публики. Теперь к вопросу о размежевании неоконсерватизма и либерализма, который я подняла в самом начале дискуссии, и о том, кто куда движется. Я прочитала книгу Михаила Елизарова «Pasternak». Это полное низвержение либерального проекта в русской литературе (на разных уровнях, не только в современной, но и в литературе XX века) на основе текста Бориса Пастернака; это полная дискредитация тех – в том числе и либеральных – идей, которые в нем присутствуют. Я возвращаюсь к роману «Голубое сало», в котором положено начало тому, что сделал Елизаров. В этом смысле Елизаров – эпигон Сорокина. Естественно, книга направлена не против Пастернака, а против либеральных идей как таковых, против упрощения Пастернака в либеральной трактовке, в либеральной интерпретации. Но Елизаров использует Пастернака в своих целях.

2. Результативность неоконсервативного и либерального проектов

Алла Латынина:

«Попытки отсечения экстремизма в литературе могут быть опаснее самого экстремизма».

Мне понравилась мысль Льва Рубинштейна о необходимости понятийных конвенций в рамках цивилизованного разговора. Даже с понятием «либерализм» у нас не все ладно. В частности, Наталья Иванова вспоминала о словосочетании «либеральный террор», которое я действительно использовала в моих статьях конца 1980-х годов, утверждая, что «либерального террора» как такового нет. Разумеется, на понятийном уровне его нет, «либеральный террор» – это оксюморон. Но подобная метафора могла появиться только из-за того, что либеральная точка зрения порой не является действительно либеральной и утверждается с тоталитарной логикой. Это происходило потому, что люди, причастные к либеральному проекту, очень часто оказывались людьми с тоталитарной психологией и коммунистическим сервильным прошлым. В известной мере они и скомпрометировали либеральную идею.

Но это уже прошлое, а сегодня я разделяю опасения Льва Рубинштейна, что попытки отсечения экстремизма в литературе могут быть опаснее самого экстремизма. Отсечение крайностей – прерогатива сильной власти. Если это случится, у нас появится политика в области культуры, на отсутствие которой сетовал Сергей Чупринин. Я бы предпочла ситуацию, кратко изложенную Григорием Явлинским: у государства должна быть одна политика в области культуры – денежная поддержка. Причем поддержка разных культурных явлений. Именно так работает система частных благотворительных обществ, грантов, фондов, издательских программ. Как только начинается отсечение справа или слева, либерализм кончается. При всем моем уважении к Андрею Немзеру, я готова признать за ним право отсекал крайности в своих статьях. Но не хотела бы видеть его в государственной комиссии по отсечению крайностей.

Наталья Иванова:

В редакции журнала «Знамя» принято говорить так: мы печатаем все, кроме фашизма. Мы – либеральный журнал и поставили во главу угла либерализм. Православие, например, существует и как культурная конструкция. В нашем журнале православный фундаменталист может увидеть покушение на те ценности, которые он исповедует. И наоборот, человек, который исповедует православие в его фундаменталистском варианте, приносит свои тексты. Как к этому относиться журналу, который заявил свою либеральную позицию?

Алла Латынина:

У каждого журнала есть определенное направление. Все, что выходит за его пределы, журнал имеет полное право отбрасывать. А вот государство не имеет права оказывать давление на журналы, которые не вписываются в определенные рамки. Что касается размежевания неоконсерватизма и либерализма, мне кажется, что более актуально другое размежевание.

Либеральный проект, конечно, будет оппонировать устанавливающейся в стране государственнической идеологии, но в литературном смысле он не креативен. Произойдет смешение радикальных творческих стратегий. В политике мы уже наблюдали противоестественный блок коммунистов с Березовским. В литературе тоже сложился противоестественный блок авангардного издателя Иванова и советского писателя Проханова, который стараниями издательства Ad Marginem из разряда охранителей замшелого режима и обвет-

шалых литературных традиций переведен в разряд радикалов и творческих революционеров.

Наталья Иванова:

Молодые сознательно выбирают радикальный проект. Скандал заметнее. В любой западной литературе и вообще культуре существует эпатаж, существует скандал, существует установка отстранения от культурного мейнстрима.

Алла Латынина:

Либеральный проект привлекал молодых, пока он был оппозиционным в тоталитарном государстве. Сейчас молодой частью читательской аудитории он воспринимается как рутинный.

Наталья Иванова:

Все, что в культуре связано с советским, воспринимается сегодня как радикальный, интересный, необычный, негосударственный проект. Он смыкается с праворадикальными движениями, и получается, что с разных сторон (как бы господин Сурков нас ни уверял в обратном) советский проект, так или иначе, реализуется руками либералов.

У меня возникают большие сомнения, что либеральный проект сегодня существует как государственный. Для меня было неожиданностью узнать, что государство дает деньги на три теле-и кинопроекта к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Один проект – это телесериал, который трактует войну в стиле Бондарева, т. е. так, как это угодно ветеранам просталинской ориентации. Второй проект – либерально-шестидесятнический. А третий связан с чисто человеческим восприятием войны и ее последствий для отдельно взятого человека, семьи и т. д. Все эти проекты рассматриваются и, видимо, будут спонсироваться государством абсолютно наравне. Это к вопросу о государственной политике, о том, есть ли выбор или существует какой-то радикальный, отдельный от либерального, государственно-имперский проект.

Андрей Дмитриев:

«Размежевание должно быть внятным; в газете и журнале могут и должны сталкиваться очень разные взгляды – но в пределах возможностей цивилизации».

Это не заказ государства. Проекты идут снизу, от наших кинопроизводителей и телевизионщиков. Государство дает на них деньги потому, что 60-летие Победы в 2005 году – это, видимо, последний юбилей для живых ветеранов, последний юбилей, на котором войну будут воспринимать как недавнее прошлое, как часть нашей живой жизни. Последующие юбилеи уже ничем не будут отличаться от юбилея войны 1812 года. Поэтому действительно сейчас готовятся разнообразные проекты. И я участвую в некоторых из них. Это конкурирующие проекты, и то, что разные люди лоббируют проекты с самыми разными, порой радикально противоположными идеями, – неизбежно. Какие проекты получают преимущество при получении на их реализацию государственных средств и, что важнее с точки зрения общественных настроений, частных денег – время покажет...

Но вернемся к нашим вопросам. Я думаю, что жестко оговоренная оценочная конвенция невозможна. Я, например, считаю, что Лев Гумилев – фашист (такова моя оценка его развернутых произвольных метафор, называемых научными концепциями), но ведь большинство порядочных, на мой взгляд, людей могут оценивать того же Гумилева совсем иначе.

И все-таки конвенции нужны. Первая конвенция (и об этом можно договориться) – о смене нашего взгляда на культурную ситуацию. По сей день мы упрямо продолжаем отделять семена от плевел по такому принципу: если серьезно и талантливо – это семена, если

неталантливо и развлекательно – это плевелы. При таком подходе Сорокин – это семена, а Алексеев, главный персонаж статьи Иваницких, – плевелы. Если же сменить ракурс и рассматривать культуру с точки зрения либерального, а вернее было бы сказать – гуманистического проекта, с точки зрения утверждения ценностей, то Сорокин и Алексеев – это две версии одного послания.

При пока что существующем ракурсе происходят вполне курьезные вещи. Некая молодежная организация пытается привлечь Сорокина к суду (потому что он – из «серьезных»), мы выступаем в защиту Сорокина. Но если бы кого-нибудь из героев статьи Иваницких преследовала прокуратура (а ведь перед многими из них по части грязи, по интенсивности проповеди зла, по цинизму Сорокин – сушая незабудка, да и тиражи их многократно выше), стали бы мы защищать его, как защищали Сорокина? Думаю, не стали бы, хотя, по хартии ПЕН-клуба обязаны это делать. Мы не стали бы защищать этого автора по тем же причинам, по каким никакая организация, делающая себе карьеру на антисорокинских акциях, не стала бы преследовать массовую литературу. Потому что хотя масслит и плох, это всего лишь масслит.

Пора менять ракурс. Пора исходить из противопоставления: гуманистическое свободное послание, утверждающее свободу в ряду других ценностей, – бесчеловечное свободное послание, унижающее и уничтожающее свободу наряду с уничтожением и унижением других ценностей. И пусть будет неважно, талантливо исполнено послание или бездарно.

Вторая конвенция, достижение которой я считаю безусловно естественным и, следовательно, возможным, – это внятное обозначение идейного размежевания с врагами человечности и свободы. Для того чтобы жестко обозначить это размежевание, необходимо совершенно иначе структурировать дискуссию, идущую в стране. Попросту говоря, хватит усаживать за один стол палача и жертву. Не надо в одной передаче встречаться Лимонову и Ивановой. Такой способ дискуссии дезориентирует страну и искажает смысл самого слова «дискуссия».

Я возвращаюсь к статье Иваницких. Они ссылаются на статью Смита, который доказывает, что популярность масслита в стране – благо, поскольку народ голосует за такую литературу рублем, и это, стало быть, демократично... По конвенции, которую я предлагаю, статья Смита должна бы выйти в *Ad Marginem* у Иванова, а не в «НЛО» у Прохоровой.

Я предлагаю вернуться к ситуации 1980-х годов. Тогда она называлась «гражданской войной в литературе». Я – за гражданскую войну в литературе. За свободу и культуру в России стоит повоевать с теми, кто пытается уничтожить свободу и культуру, цинично используя свободу и вводя в заблуждение своей принадлежностью к культурному сословию. Но для этого требуется более внятно и доступно заявить свои цели, изложить свое отношение к ценностям и более жестко обозначить идейное размежевание с представителями и выразителями антилиберального, антигуманистического, антикультурного движения.

Размежевание должно быть внятным. И поэтому если вы не публикуете в своих журналах то, что вы не публикуете, это ваш нравственный выбор, ваша нравственная обязанность. В газете и журнале могут и должны сталкиваться очень разные взгляды – но в пределах возможностей цивилизации. Условно говоря, Дугин и Дубин ни при каких обстоятельствах не должны оказываться под одной обложкой, на одних газетных полосах.

Сергей Чупринин:

«У нас сложилась ситуация, при которой в одной культуре раздельно проживают две культуры и в одном обществе – два общества, и какой бы то ни было диалог между ними не только не идет, но он даже и не предполагается...».

Я позволю себе воспользоваться двумя правами. Первое право – на спокойствие и нетемпераментность в полемике. И второе: право на то, чтобы быть непоследовательным и

противоречивым, потому что мне показалось, будто мы говорим так, словно знаем не только истину, но и пути, ведущие к ней.

К вопросу о конвенциональности. Мандельштам писал, что нормальное состояние поэзии – война. Передышки, перемирия в ней случайны и временны. И действительно, мы привыкли к тому, что нормальное состояние литературы – это состояние постоянного конфликта, когда врага или, если угодно, оппонента словесно ставят к стенке либо отправляют «за стену».

Когда этого нет, то жизнь нам кажется скучной. Потому что выбор между книгами Марины Вишневецкой и Андрея Дмитриева, пусть даже между книгами Людмилы Улицкой и Олега Павлова вряд ли сильно развлечет читающее сословие. Интерес может вызвать только что-нибудь конфликтное. И у меня тоже. Поэтому я даже статью целую написал – «Свободные радикалы» (Знамя. 2003. № 9) – о тех людях в литературе, которым стало вдруг скучно, и они все замечательным образом нашли общий язык: ультраправые, ультралевые, талантливые, бездарные, уже создавшие что-то и те, кто не создаст никогда ничего существенного.

Как к ним отнестись? Андрей Дмитриев напомнил о сравнительно недавней «гражданской войне в литературе», когда бились, скажем так, коммунопатриоты и либерально ориентированные демократы. Что в ней мне кажется важным? Во-первых, то, что в словесной «гражданской войне» рубежа 1980–1990-х годов проявилось реальное размежевание внутри российского общества. Во-вторых, то, что она своим накалом будто смоделировала и тем самым заменила реальную войну. И наконец, та война между писателями (и прибавлю: между читателями) кончилась тем, чем и могла кончиться. А именно ситуацией апартеида, знакомой по южноафриканскому опыту или, если хотите, по Ленину, когда в одной культуре раздельно проживают две культуры и в одном обществе – два общества, и какой бы то ни было диалог между ними не только не идет, но он даже и не предполагается.

Андрей Немзер здесь рекомендовал (и эта последовательность меня смущает) всех, кто не с нами, считать находящимися вне культуры, то есть «за стеной». Но «за стеной» уже и сейчас довольно много пишущих (и добавлю: довольно много читающих) людей. И то обстоятельство, что для большинства из нас этих людей не существует и что Лев Рубинштейн даже не знает твердо, выходит ли «Наш современник», не отменяет реальности. А она свидетельствует: среди всех литературных журналов страны самый большой тираж не у «Знамени» или «Нового мира», а у «Нашего современника».

Пишущее сословие в России на две трети состоит из насельников коммунопатриотического Союза писателей России. И многие читают эти книги, эти журналы, не обращая никакого внимания ни на прозу Андрея Дмитриева, ни на стихи Максима Амелина, ни на «знаменский» месседж, как мы с вами не обращаем внимания на стихи Николая Дмитриева, на прозу Сергея Сибирцева.

Надо ли нам умножать число тех, на кого мы не хотим и не будем обращать внимания? И правомерно ли всех, кто исповедует иной символ веры, считать бездарностями? Например, мне звонит редактор «Нашего современника» Станислав Куняев, рекомендует «Знамени» некий текст. Идеологически он их, «красно-коричневый», но по эстетическим параметрам там не проходит, хотя талант автора налицо. «Знамя» отказывается печатать этот текст.

Так произошло с Лимоновым. Его возвращение в Россию началось с публикации в «Знамени», затем он вступил в жесткую конфронтацию со всем, что для «Знамени» дорого, и мы его больше не печатали. Казалось бы, ему прямая дорога в «Наш современник». Но очень быстро выяснилось, что там он идеологически близок, но эстетически чужд. Так он и стоит – «за стеной».

На рубеже 1980–1990-х годов мы с Аллой Латыниной состояли в отношениях своего рода приятельской оппозиции. Алла Николаевна тогда говорила: надо дать шанс нашим оппо-

нентам, надо прислушиваться ко всему ценному и важному, что они говорят. А мне казалось, что с этой публикой нельзя говорить, незачем их слушать. Не уверен, что я был прав. Совершенно не вдаваясь в то, кто из наших оппонентов талантлив, кто не талантлив, мы сказали им: ваше место «за стеной».

Сейчас мы столкнулись с новым вызовом, и спор с радикалами идет по привычной российской схеме: кто кого. Иного опять не дано. А я хочу иметь не врагов, от которых нужно отгородиться, а оппонентов, с которыми не совестно спорить, уважая их право писать и думать по-другому. Мы же вновь говорим, что наши оппоненты либо бездарны, либо разрушительны для культуры, и мотивы у них исключительно низкие. Можно и должно спорить с Владимиром Сорокиным, абсолютно мне чуждым, но контрпродуктивно, на мой взгляд, заново выяснять, талантлив он или бездарен. Или: внес ли некоторый вклад в российскую словесность Виктор Пелевин? Я полагаю, что Виктор Пелевин внес исключительно положительный вклад в движение русской литературы. Он не бездарен и он необходим – как и Валентин Распутин, к примеру.

Наталья Иванова:

Обозначились два важных вопроса. Первый: существуют ли границы либерального поля или они размыты? И второй вопрос: что такое либеральный проект в нынешнем контексте? Может ли каждый из присутствующих сказать, где он видит границы либерального поля?

Алла Латынина:

Я считаю, что границы либерального поля очень размыты. Оно не может ограничиваться стеной, о которой говорил Андрей Немзер. Или это уже не либеральное поле. В этом несчастье и уязвимость либерализма.

Лев Рубинштейн:

Я представляю себе эти границы достаточно широкими. По-моему, они определяются тем пространством, которое я могу обозначить как дискуссионное. Либеральное пространство – это сама по себе возможность диалога, а не суммы монологов. Почему эти люди находятся «за стеной»? Потому что они принципиально не готовы и не способны к диалогу.

Андрей Дмитриев:

Я бы хотел уйти от абстрактной теории больших чисел, потому что в такой сфере, как культура, полем культуры является каждый ее представитель. И всякий раз, оценивая, входит он или не входит в общее поле культуры, нам приходится совершать некое нравственное и умственное усилие. Это бывает довольно сложно. Но совершенно ясно: если люди скандируют «Сталин, Берия, ГУЛАГ», они уже на другом поле. Не на поле культуры.

Андрей Немзер:

Когда я говорил о «стене», я не имел в виду апартеид. Я не говорил, что людей «за стеной» для меня нет. Я не лишал их права говорить, а себя – права их слушать. Я говорил: мы должны работать так, чтобы они не входили в значимое культурное (и политическое) поле. Важно не то, что делают они, а то, что делаем мы. В частности, важно не упускать из виду те реальные проблемы, которые либеральным истеблишментом зачастую упрощаются, что становится поводом для разного рода спекуляций (или искренних заблуждений).

Я никогда не говорил, что Пелевина не существует в поле нашей культуры. Я говорил, что он никак не соотносится с либерализмом. Он левый – при этом с очевидным советским оттенком и с инфантильным высокомерием, присущим всем левым, а получившим свободу

даром – особенно. Я не спору, что он является фактом культуры. Является, и достаточно показательным. Своего рода «зеркало» нашей эпохи.

Граница либерального поля определяется всякий раз внутренним посылом, внутренним чувством. Грубо говоря, на кого писать рецензию, а на кого нет – это один вопрос. Вопрос, с кем садиться за стол, – это совсем другой вопрос. И слово «апартеид» стоило бы употреблять с большей осторожностью.

Алла Латынина:

Мне очень понравился такой критерий, как способность к диалогу. Но я бы хотела разграничить политическую и эстетическую составляющую диалога. Я, например, считаю, что никакого политического диалога с Лимоновым быть не может – не спорить же с ним по поводу идеи закрытия городов и устранения при этом лишних людей. Но при всем экстремизме высказанных в «Книге мертвых» идей я не могу отрицать ни художественного таланта автора, ни того, что это – явление литературы. Значит, эстетический диалог возможен. Либерализм хорош тем, что он может осваивать экстремистские художественные проекты, легитимировать их. И вывешивать черный квадрат в Музее современного искусства.

Наталья Иванова:

Все-таки что такое либеральный проект в нынешнем литературном контексте? Существует ли вообще либеральный проект? Если да, так же ли размыты его границы, как границы либерального поля?

Алла Латынина:

То, что у нас происходит в последнее десятилетие с толстыми и тонкими журналами, с газетами, с разноречивой критикой, с множеством премий, с издательским бумом, который обеспечивает массовая литература, – это и есть либеральный проект. Он оказался не слишком привлекательным. Но когда его закроют, мы будем вспоминать о нем с сожалением.

Наталья Иванова:

Стоит зайти почти в любой книжный магазин, как сразу видно, что либеральный проект осуществляется с огромной энергией: невозможно охватить взглядом то количество книг, которые издаются в абсолютно разных направлениях. Об этом же свидетельствует и количество театров, новых постановок, новых музеев, выставок, одна другой интереснее, перформансов, индивидуальных проектов. Мне кажется, вне зависимости от оценки, эта энергия является признаком того, что либеральный проект развивается. Если его не остановят, он будет развиваться очень успешно.

Алла Латынина:

Энергия – это очень важная вещь. Я в восторге, когда захожу в книжный магазин. Но подавляющее большинство того, что стоило бы купить, создано не сейчас. Креативная энергия ушла в издательский бизнес.

Наталья Иванова:

Можно ли максимально конкретно оценить результаты радикального и консервативного проектов в современной литературной практике?

Андрей Немзер:

Я не вижу ни консервативного, ни либерального проектов. Я никогда не отрицал того, что люди, думающие иначе, чем я, могут хорошо писать, никогда не говорил, что Распутин и

Белов не талантлив. Если они сейчас пишут инерционно, то эта же инерция видна в работах Войновича, Искандера, Битова. Я привык оценивать писателя по его индивидуальности. Кстати, не уверен, что у меня преобладают этические мотивировки. Я не вижу ничего интересного в типе сорокинского письма. Мне кажется, оно достаточно примитивно – он занимается автоклонированием. Счастлив писатель, которому есть что сказать. Таких всегда мало. У нас было замечательное десятилетие в том смысле, что оно давало возможность каждому сказать то, что он хочет. Как писатели распорядились своей свободой – другой вопрос. За эти годы я написал достаточно отрицательных рецензий.

Сергей Чупринин:

Мне кажется некорректной формулировка этого вопроса. Слово «проект» вызывает ассоциацию с чем-то сознательно организуемым. В этом смысле я не знаю никакого консервативного проекта. В области культурной политики, культурного строительства никто ничего консервативного пока не создал. Радикальный проект в области культурного строительства действительно создается, но пока не увенчался ничем существенным. Если говорить о конкретных текстах, конкретных произведениях, созданных писателями, которых принято называть консервативными, то, мне кажется, этот ряд откроют романы «Генерал и его армия» Георгия Владимова и «Взятие Измаила» Михаила Шишкина.

Что касается писателей радикального направления, то, по-моему, в последние десять лет не было напечатано ничего сколько-нибудь достойного или меняющего литературную ситуацию. Самое интересное, что сделал Лимонов в литературном плане, было написано до начала 1990-х годов. То же самое можно сказать и о Сорокине. Новых, столь же ярких, дарований на этом поле так и не появилось.

Андрей Дмитриев:

Я тоже хочу сказать о некорректности вопроса. Потому что есть не проект, а дискурс – просветительно-гуманистический дискурс, с его либеральной составляющей. И есть дегуманистический, деконструктивный, бесчеловечный дискурс, пользующийся на практике возможностями либерализма, но при этом – без либеральной составляющей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.